

О ГОРЬКОМ И ЛОПАТИНЕ

(по письмам Лопатина к В. Л. Бурцеву 1908—1914 гг.)

Предисловие И. С. Зильберштейна

Сообщение Е. Г. Коляды

С первых месяцев существования «Литературного наследства» я вел интенсивную переписку с зарубежными учеными и благодаря их помощи получал копии неизданных материалов по истории русской литературы и общественной мысли, хранящихся в тамошних архивах. И тут с чувством сердечной признательности я прежде всего вспоминаю главу французской школы славистов академика Французской академии Андре Мазона, который был также избран иностранным членом Академии наук СССР.

Мы познакомились с ним еще в 1925 г. в Ленинграде, в доме известного пушкиниста и историка русского революционного движения П. Е. Щеголева. Благодаря А. Мазону, приславшему мне фотографии писем Достоевского к Тургеневу, хранящихся в парижской Национальной библиотеке, я в 1928 г. выпустил книгу «История одной вражды. Ф. М. Достоевский и И. С. Тургенев. Переписка». А когда с 1931 г. по моей инициативе начали выходить тома «Литературного наследства», А. Мазон стал другом нашего издания и обогатил ряд томов ценнейшими материалами из зарубежных архивов. Вот как он оценил значение «Литературного наследства»: «Не существует в области истории литературы другого издания, которое уже в течение двадцати лет принесло бы больше славы русской науке» (La revue des etudes slaves. Paris, 1958 Vol. 26. P. 192).

Именно Андре Мазон познакомил с томами «Литературного наследства» литератора и общественного деятеля Льва Борисовича Бернштейна (1877—1962), жившего с первых лет нашего века в Париже. С начала 1900-х годов он сотрудничал в журналах, выходивших в России и во Франции. Организовав в Париже Агентство по охране авторских прав русских писателей и композиторов, Лев Борисович немало полезного сделал в этой области. В АГ сохранилось его письмо Горькому от 12 декабря 1912 г., в котором он просит разрешить постановку оперы итальянского композитора Бианчини «Радда» (на сюжет рассказа «Макар Чудра»). Ответным письмом Горького мы не располагаем. Но Л. Б. Бернштейн предоставил мне два письма Горького и Е. П. Пешковой к нему 1914 г.

Вот что сообщал Льву Борисовичу Горький:

«Г-ну Льву Бернштейну.

Милостивый Государь! Переводы беллетристических произведений не издаются „Знанием“, а переводами русских изданий „Знания“ занят И. П. Ладыжников в Берлине, и Вам всего удобнее войти в сношения с его издательством.

Желая успеха делу вашему, свидетельствую почтение мое.

А. Пешков».

Е. П. Пешкова писала Бернштейну:

«Alassio 15/VII 1914

Многоуважаемый Лев Борисович!

Я на два дня уезжала из Alassio и только сегодня прочла Ваше письмо. Разумеется, раз эти условия общие, одинаковые для всех, то мне остается лишь принять их. А самый контракт я бы просила Вас передать мне при моем обратном проезде через Париж, в конце этого месяца. Вы еще не получили окончательного ответа относительно Petit Pierre? * О дне, когда я буду в Париже, я, как мы и условились с Вами, Вас предупрежу.

Видела я Алек(сея). Он говорил мне, что продал свои сочинения „Просвещению“ и что, помимо „Просвещения“, может печататься лишь в периодичес(еских) изданиях или сборниках. Так как та вещь, о кот(орой) Вы мне говорили, большая, то она, вероятно не будет годиться для сборника. Б(ыть) м(ожет) Вы предложили бы ее „Заветам“? Если же у Аша ** будет интересный и не такой большой рассказ, то его можно было бы предложить и для помещения в сборнике м(осковс)кого к(нигоиздательств)а.

Пока всего лучшего

С уважением Ек. Пешкова».

* «Маленький Пьер» — роман А. Франса, начало которого печаталось в то время в журнале «Revue de Paris».

** Шолома Аша.

«Литературное наследство» пришлось Л. Б. Бернштейну по душе. Вот строки из его письма, адресованного мне 1 марта 1959 г. из Парижа: «Во французской печати, — поскольку мне было возможно следить за ней, — я не раз встречал самые хвалебные отзывы о „Литературном наследстве“. И все же считаю, что на Ваше издание недостаточно откликнулись». И далее «Возвращаясь к „Литературному наследству“, хочу Вам сказать, что Вы своим неутомимым трудом, своими знаниями и при наличии широкого кругозора создали литературно-исторический памятник совершенно исключительного интереса и значения — чем Вы можете по праву гордиться. А ведь впереди еще и еще тома этого издания, которые будут еще и еще его обогащать...»

Л. Б. Бернштейн был в добрых отношениях со многими русскими литераторами и участниками революционного движения, жившими за рубежом. Он был хорошо знаком с В. Л. Бурцевым, сотрудничал с ним и Г. А. Лопатиным в редакции «Былого» и «Общего дела».

Лев Борисович собирал различные эпистолярные и документальные материалы. А когда мы заочно познакомились и, смею сказать, подружились, он стал присылать мне некоторые из этих материалов. Так, кроме приведенных выше писем Горького и Е. П. Пешковой дошли до меня машинописные копии писем Г. А. Лопатина к В. Л. Бурцеву, содержащие упоминания о Горьком (см. ниже сообщение Е. Г. Коляды).

В мае 1962 г. я получил письмо сына Л. Б. Бернштейна:

«12 мая 1962 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Илья Самойлович!

Льва Борисовича больше нет. Он скончался вчера, после полудня, в возрасте 84 лет. Он был окружен своими детьми, и они ухаживали за ним до последней минуты — он утас спокойно, без страданий.

Физическая слабость, увеличившаяся за последние месяцы, мешала ему писать. Все время надеясь на улучшение, он откладывал на завтра все, что хотел написать Вам. До самых последних дней он часто вспоминал Вас — ставшего близким другом, которого он очень любил. Годами он надеялся на Ваш приезд и на то, что познакомится с Вами лично. Но эта радость ему не была дана — и это одно из немногих огорчений, испытанных им под конец жизни.

Разрешите сказать Вам, что Вы потеряли в его лице верного друга, любившего Вас, восхищавшегося Вашими работами и понимавшего Вас на расстоянии. Его желанием было, чтобы после него Вы могли бы обращаться ко мне со всеми просьбами, с которыми адресовались бы к нему сюда. Вы, надеюсь, будете делать это без колебаний.

Я хотел бы также, чтобы Вы знали, что последние его годы были счастливыми, морально и материально. Будучи хорошим отцом, он и детей имел хороших, любивших его и ухаживавших за ним до последней минуты.

Верьте в мою верную дружбу.

М. Бернштейн».

Михаил Львович был по специальности книжным антикваром, он нередко приобретал также интересные автографы выдающихся писателей и революционных деятелей. В 1975 г. по командировке Министерства культуры СССР я оказался в Париже и побывал у него. Михаил Львович показал мне два автографа В. И. Ленина, датированные ноябрем 1908 г., а также автограф письма Горького Ленину от начала февраля 1908 г. Я упросил его безвозмездно отдать подлинники, чтобы я мог их отправить на Родину.

Не приходится говорить о том, насколько важна находка каждого неизвестного автографа В. И. Ленина. Немалое значение имел и тот факт, что обнаружился автограф письма Горького. Известно, что с 1907 по 1916 г. В. И. Ленин и Горький вели интенсивную переписку. Сохранилось и опубликовано 47 писем Владимира Ильича к Алексею Максимовичу за это время. Но ответных писем было известно всего лишь три. Таким образом, мне удалось обнаружить четвертое из писем Горького того периода. Оно особенно интересно еще и потому, что на это письмо имеется пространственный ответ Владимира Ильича. Все три мною полученных документа переданы в Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (См.: *Молчанов В.* Письмо к Капри. Поиски, находки // *Правда.* 1976. № 128. 7 мая).

Михаил Львович передал Центральному государственному архиву литературы и искусства СССР различные материалы из бумаг отца. В фонде Л. Б. Бернштейна хранятся его воспоминания о встречах с Ф. Э. Дзержинским, а также обширная переписка с Л. С. Бакстом, Анри Варбюсом, А. Н. Велуа, В. Д. Бонч-Бруевичем, Гордоном Крэггом, Сергеем Лифарем, Д. С. Мережковским, В. Ф. Нижинским, Марселем Прево, И. Ф. Стравинским, Т. Л. Щепкиной-Куперник и с другими корреспондентами. В этом же фонде находится также архив литовского литератора Юргиса Балтрушайтиса (1873—1944), скончавшегося в Париже.

Смысл этого маленького предисловия я вижу прежде всего в том, чтобы отдать дань уважения памяти Л. Б. Бернштейна и выразить глубокое чувство благодарности М. Л. Бернштейну.

Поздний период жизни Лопатина не получил еще в нашей научной литературе обстоятельного освещения. Общие же оценки лопатинской деятельности этого времени разноречивы. Существует, например, такая версия: «...Лопатин, освобожденный революцией 1905 г., не нашел себе места в революционной борьбе»¹. Точнее суждение, высказанное еще в 1930 г.: «После Шлиссельбурга Г. А. уже не был активным революционером, хотя и не уклонялся от революционной деятельности»². Лопатин сохранил революционную непреклонность до конца дней своих — эта точка зрения все активнее утверждается в настоящее время. О верности Лопатина заветам своего героического прошлого и в послешлиссельбургский период его жизни пишет Ю. В. Давыдов в художественно-документальном повествовании «Две связи писем»³. «Жестокие репрессии, обрушившиеся на Лопатина, не сломили его характер»⁴, — утверждает Л. Голованов.

Документы свидетельствуют: преодолевая физические недуги, Лопатин и в предклонные годы продолжал вести, хотя и в других формах, чем раньше, бескомпромиссную борьбу с самодержавным режимом.

С этим связано и его участие в оппозиционных эмигрантских изданиях, организованных Бурцевым, — «Общее дело», «Былое» и «Будущее». В свою очередь, участие это явилось естественным продолжением многотрудной работы по разоблачению системы провокации, насаждавшейся царским режимом.

На почве ряда общих интересов возникает переписка Лопатина и Горького, вскоре же после их знакомства. Лопатин стремился привлечь Горького к сотрудничеству в названных изданиях. Стремился поддерживать в Горьком-художнике интерес к тем явлениям общественной жизни, борьбе против которых отдавал в это время свои духовные и физические силы. Лопатин знал и ценил повесть Горького из быта политических сыщиков — «Жизнь ненужного человека», написанную, по словам Горького, «на основании автобиографии одного из них...». «Материал, — писал Горький, — страшно интересен и психологически и социально»⁵. С этим определением перекликаются слова Лопатина (из письма к Горькому) «о психологическом и социологическом интересе» материалов, которыми он располагал, — материалов, «ждущих оплодотворения их умом мыслителя или художника».

Письма Лопатина к Бурцеву соотносятся с его письмами к Горькому. Это — ценный источник для характеристики общественной позиции Лопатина того периода. Вместе с тем письма к Бурцеву содержат немало сведений, уточняющих, а часто и существенно дополняющих наше представление об отношениях Горького и Лопатина в сфере журнально-издательской, об отношении Горького к издательским начинаниям Бурцева. В этих письмах выстраивается тот ряд фактов, на основе которых возникали обобщающие суждения о провокатуре в первых письмах Лопатина к Горькому.

«...Лопатин был посвящен во все, что было связано с „Былым“, „Общим делом“ и „Будущим“ и с моей борьбой с провокацией»⁶, — свидетельствовал Бурцев в своих мемуарах. Бурцев писал о Лопатине как о человеке, который «толкался во все двери, где только мог, и убеждал всех помогать мне и в литературных моих предприятиях, и в борьбе с провокаторами. Все это он делал неуставно, изо дня в день, в продолжение многих лет»⁷. Однако Лопатин не просто содействовал Бурцеву. Но нередко и направлял его деятельность, существенно ее корректируя, о чем также свидетельствуют упомянутые мемуары: «Его (Лопатина) письма ко мне были полны самой придирчивой и едкой критики по самым разнообразным поводам. Он постоянно нападал на меня за мое „неисцелимое кадетолюбие“ („кадетострастие“), когда я будто бы не решался их „ударить даже цветком“, за мною недопустимую „мягкость“ и „слабость“ к Азефам и Богровым⁸, за мое „доверие к раскаивающимся“, за мой оптимизм и т. д. (...) Его замечания всегда были глубоки и выливались в удивительно удачных выражениях, которые блестяще формировали его мысль и всегда брали быка за рога»⁹. Бурцев сообщал: «К счастью, у меня сохранилась, по-видимому, вся переписка с Лопатиным или, по крайней мере, большая часть ее. Передо мной сейчас лежат несколько сот четко написанных, как будто мелким бисером, его писем и открыток»¹⁰.

Материалы из собрания И. С. Зильберштейна представляют собой машинописные копии большей части писем Лопатина Бурцеву.

Машинопись объемом в 290 страниц содержит 213 писем Лопатина. Она состоит из двух частей, каждая из которых имеет свою нумерацию.

Первая часть озаглавлена «Из дневника Г. А. Лопатина (1910)». Это свод 120 ежедневно писавшихся деловых писем Лопатина к Бурцеву (которые назвал «дневником» сам Лопатин) за четыре месяца — с 12 января по 12 мая 1910 г., написанных в то время, когда Лопатин замещал Бурцева в Париже в редакции журнала «Былое» и газеты «Общее дело».

Вторая часть — 93 п. Лопатина к Бурцеву за 1908—1914 гг., представленные полностью или в выдержках.

Помимо этого машинопись включает четыре п. Лопатина к секретарю Бурцева Л. З. Родштейну (Валерьяну) (от 13 февраля и 10 мая 1909 г., 28 мая и 15 июня 1910 г.), четыре п. Амфитеатрова Бурцеву (от 1908 г. (?), п. от 29 декабря 1911 г., 20 мая и 27 сентября 1912 г.), три записки П. Рутенберга 1909 г. (?), отдельные корректурные листы из журнала «Былое» и газеты «Общее дело».

На обложке машинописи — надпись Л. Б. Бернштейна (карандашом): «Рукопись Г. А. Лопатина, которую мне дал В. Л. Бурцев, предоставив ее мне в мое полное распоряжение. Не знаю, остались ли после Бурцева другие экземпляры этой рукописи. Но до сих пор (1956) она, насколько мне известно, в печати не появилась». На многих страницах машинописи — пометы Бурцева и штамп: «Ex-Libris L. B. Bernstein»¹¹. Подлинность машинописных копий не вызывает сомнения; она подтверждается сопоставлениями с письмами Бурцева Лопатину и Л. З. Родштейну¹² и письмами Лопатина того же времени другим адресатам, прежде всего Амфитеатрову¹³.

В коллекции содержатся также автографы п. Лопатина к Бернштейну: п., написанное до 1884 г., с датой 31 декабря, п. от 1909 г. и 7 декабря 1910 г. (на бланке редакции журнала «Былое» и газеты «Общее дело»), а также написанное Лопатиным сообщение «От редакции» (см. ниже раздел II). Автографы эти вложены в обложку, на которой рукой Бернштейна сделана надпись: «Лопатин (Герман Александрович). Революционер, шлессельбуржец, один из наиболее чтимых представителей „Нар(одной) воля“, переводчик части „Капитала“ (в первом русск(ом) издании)».

I

Как уже видно из сказанного, тема писем Лопатина к Бурцеву — борьба с провокацией. Они насыщены сведениями об интенсивной практической деятельности Лопатина в этой области (активное участие в расследованиях, допросах; поездки и встречи с разными лицами с целью выявления фактов; подготовка к публикации соответствующих документов и т. д.). Из этого обширного материала для настоящего сообщения выбраны лишь те факты, которые вызвали непосредственный интерес Горького, отразились в его высказываниях, в его переписке с Лопатиным и другими корреспондентами.

В письмах Лопатина Бурцеву «дело Азефа» занимает особенно большое место. Получив приглашение выступить в роли третьей стороны между Бурцевым и ЦК партии эсеров по этому делу¹⁴, Лопатин писал 4 октября 1908 г.: «По существу, повторяю вам то же, что уже сказал в Лондоне и Париже В. Н. <Фигнер> и Марку <Натансону>. Мне эта роль очень тяжела и неприятна по тысяче причин. Но я смотрю на такие вещи как на *долг*, уклоняться от исполнения которого я *не вправе*. Поэтому, если нельзя обойтись без меня, — я согласен». В значительной степени достоверность обвинений против Азефа на этом суде была подтверждена авторитетными суждениями Лопатина. После завершения расследования он писал Бурцеву 9 января 1909 г.: «Благодарности Вашей я не отклоняю от ложной скромности, конечно, понимая под этим простое признание моей усердной, моральной помощи в этом деле»¹⁵.

Из письма Бурцеву от 11 января 1909 г. мы узнаем, что Лопатин был сторонником крайних мер по отношению к разоблаченному провокатору и был согласен принять участие в ликвидационной комиссии: «Но слава богу, что дело наконец выяснилось и что из недр партии будет наконец вырезан злокачественный рак. Неужели после того, как для ЦК стала ясна его роль, у них не хватило ума и предусмотрительности, чтобы *показать* его, *неведомо для него*, одному или двум совершенно неизвестным ему лицам, которые впоследствии могли бы в свою очередь показать его будущим исполнителям? Если они не сделали этого, то это глупо до преступности¹⁶. Ведь он выкосил вокруг них всех способных исполнителей. Сами они для таких ролей не годятся <...> Вы говорите о моем участии в ликвидационной комиссии так, как будто бы это зависело только от моего согласия — не могу же я навязываться сам, — без приглашения от них! А они даже не находят нужным *известить* меня, презуса суда, о том обороте, который приняло дело. Не думаю, чтобы меня желали туда». И в дальнейшем, в 1910—1912 гг., Лопатин неоднократно в письмах Бурцеву выражал свое возмущение медлительностью и нерешительностью действий ЦК партии эсеров по отношению к Азефу. 15 ноября 1910 г.: «Долго же они возятся с докладом по делу Азефа¹⁷, а тот пока свободно разъезжает по Европе»; 22 декабря того же года: «Ну, а некий проезжий литератор говорил мне недавно: „Неужели вы не находите деятельность Б<урцева> вредной? Разоблачить Азефа втихомолку и пришить следовало. Но это публичное разоблачение провокатуры повсюду решительно убивает веру; а без веры невозможна самоотверженная революционная деятельность... Что удивительного, что и эсеры опять считают Вас вредным! Но обращать внимание на людей, которые отпустили Азефа с миром и потом не решились тронуть его, когда его снова клали им в руки, право, не стоит“». Однако позднее Лопатин критически высказался и о бурцевском отношении к Азефу.

В 1912 г., разыскав после долгих поисков Азефа, Бурцев предложил ему встретиться. «Заявляю вам, — писал Бурцев, — что я желаю видеть вас лишь по собственной инициативе, только лишь в качестве историка и публициста, и у меня нет другого желания, как только узнать всю правду. Само собою разумеется, что я не расставляю вам никакой ловушки»¹⁸. Встреча состоялась 15 августа 1912 г. во Франкфурте-на-Майне.

«Интервью» с Азефом, появившееся в печати, вызвало резкий протест Лопатина. Он писал Бурцеву 28 августа 1912 г.: «Прочел я в „Матен“ Ваше интервью и — признаюсь — сильно разочаровался в своих ожиданиях. Я не отрицаю важности того, что *живой Азеф подтверждает то, что Вы сообщили о нем ранее*. Но *нового* в его показаниях нет не только для меня, но и для публики. В особенности нет *важных* сообщений о степени *осведомленности* некоторых членов сыска о революционных подвигах Азефа, как заранее, так и после. Рядом с этой *бесплодностью* свидания поражает *тон* Вашего рассказа о нем, имеющего вид попытки, *разжалобить* публику в пользу этого чадолюбивого Иуды! Черт знает что такое!»¹⁹ И в следующем письме от 5 сентября того же года он точно определил границы возможностей Бурцева: «Публика видит в Вас политического деятеля (в своей сфере), а не художника и не историка, и ждет от Вас раскрытия деятельности Азефа и К°, а не его *биографии* и художественного анализа его натуры». Лопатин считал, что именно Горький был способен дать глубокий психологический анализ истоков провокации. Неуклюжие попытки Бурцева в этом роде, сделанные в 1912 г., он осудил.

Напомним в этой связи о позиции Горького: «Понимает ли Бурцев, что необходимо полное, широкое, детальное разоблачение всей деятельности предателя? И что оно будет тем полезнее, чем скорее явится?»²⁰ К делу Азефа Горький относился с большим вниманием и интересом. Получив сообщение от Е. П. Пешковой о том, что Азеф — провокатор, Горький писал ей 15 января 1909 г.: «Письмо твое — точно камень в лоб, у меня даже ноги затряслись и такая тоска, такая злоба охватила — невыразимо словами <...> впечатление оглушающее. Что же делать с такими людьми? Ведь они гаже палачей»²¹. Горький просил Е. П. Пешкову присылать «все данные по делу провокатора, как только они появятся»²². Сохра-

нилось ценное свидетельство Пешковой о том, что Горький собирал непосредственно после разоблачения Азефа «материалы для задуманной им книги „Провокатор“»²³. Отношение Горького к делу Азефа, высказанное и в более поздних его публицистических статьях, полностью совпало с принципиальной и непримиримой позицией Лопатина²⁴.

Лопатин писал Горькому о том, что ему приходилось иметь дело с провокаторами самого разного масштаба, но что особое значение он придавал разоблачению так называемых «идейных» провокаторов, т. е. провокаторов из среды революционеров, вошедших в сношения с охранкой для служения революции, но одновременно оказывавших и услуги охранке. При этом он обращал внимание писателя преимущественно на психологические и социологические истоки данных явлений (Л—Г, п. 1). Это отнюдь не означало, что их собственно политический смысл не интересовал Лопатина. Письма к Бурцеву свидетельствуют о революционной непримиримости Лопатина к такого рода «идейным грешникам».

Характерно в этом смысле и его отношение к мемуарам А. А. Петрова (см. ниже). Убедившись, что Петров сам осудил себя за двойную игру, хотя и сумел остаться относительно незапятнанным (не совершив реальных предательств), Лопатин все же в письме к Амфитеатрову от 9 января 1910 г. четко изложил свою общую позицию: «Ну, а такая *игра*, с пожертвованием *живыми* „неважными“ людьми и делами для достижения „важных“ целей самопомазанного гения-провокатора, конечно, так же возмутительна, как и *игра* охраны с революцией»²⁵.

Побуждая Горького ознакомиться с материалами «исследования» провокаторов, Лопатин оказывал ему и практическую помощь в этом смысле. Из письма Бурцеву видно, что исполнить просьбу Горького об организации его встречи с Меньшиковым²⁶ было непросто. Лопатин писал 20 сентября 1910 г.: «Горький был бы очень не прочь побеседовать самолично с Меньшиковым через месяц или полтора (сейчас он очень занят). Но при нынешних Ваших отношениях с М(еньшиковым) я не знаю — как это устроить, не обращаясь *письменно* к самому М., да и черт же знает его адрес или через кого писать ему».

Работа Лопатина по разоблачению провокаторов шла особенно напряженно с 12 января по 12 мая 1910 г. Как уже говорилось, Лопатин жил в ту пору в Париже и замещал в редакции журнала «Былое» и газеты «Общее дело» уехавшего в Америку Бурцева. Именно в это время он стал вести дневник, делая каждодневные записи, предназначенные для отсылки Бурцеву²⁷. 12 января 1910 г., в первый же день своей новой работы, Лопатин отметил: «...И бысть утро, и бысть вечер — день первый» — признаюсь — очень страшный по открывающимся перспективам».

Приведем ряд записей, свидетельствующих о том, какого напряжения стоила Лопатину эта его работа. 21 марта: «Сегодня утром имел сильный припадок головокружения, близкий к обмороку и столь продолжительный, как никогда ранее. Очевидно — результат строго сидячей жизни и исключительно тяжелых и неприятный волнений, без малейшего радостного или веселого просвета, а может быть, и не подходящего для меня парижского климата»; 22 марта: «Сегодня опять головокружения весь день, при каждой перемене позы»; 23 марта: «Опять весь день эти проклятые головокружения [...] я вот и сейчас чувствую себя, как матрос в качку, и не могу сделать твердо и несколько шагов [...] Пора спать. Я эти дни со страхом ложусь в постель, черт его знает — проснешься ли целым человеком?! — День 71-й».

Но, преодолевая нездоровье, Лопатин работал. «Ну и дела! — сообщал он 24 января 1910 г. — Верите ли: со времени Вашего отъезда не могу выбрать минутки написать Горькому и Амф(итеатро)ву! Каждую минуту сваливается на голову что-нибудь новое и неотложное. Ну и жизнь! Да, место Исправляющего должность начальника сыского отделения — не синекура! До сих пор не соберусь отлучиться купить очки, сапоги и лапсердак».

Одним из «исследуемых» был Гердик — о нем Лопатин писал Горькому 28 января 1910 г. (Г—Л, п. 2). В дневнике Лопатина находим записи о его допросах 25 января 1910 г.: «Был первый допрос Гердика. Держится так, будто мы ком-

пания друзей, собравшихся чинить суд над его судьями <...> Уже страшно поздно, а потому не вспоминаю: что было еще, а завтра в 10 ч(асов) у(тра) второй допрос Герцика. Не могу улучшить даже часа, чтобы посмотреть на производимые Сеной неистовства»²⁸; на следующий день: «...с 10 ч(асов) у(тра) до 2 ч. дня исповедовал Герцика <...> Вследствие непрерывных отзывов и перерывов и полного отсутствия правильных досугов у меня накопилось 28 неотвеченных писем, что приводит меня в истинное отчаяние. Сейчас вспомнил, что сегодня день моего рождения и что мне уже стукнуло 65 лет, с чем и поздравляю себя от Вашего имени, а затем иду спать»; 27 января 1910 г.: «С 3 ч(асов) до 11 исповедовал Герцика. Устал до смерти, не верится мне, чтобы он провокаторствовал. Но открыть таких доводов, которые могли бы убедить других, пока не мог».

И эта и другие записи в дневнике отражают стремление Лопатина к точности, основательности, документированности выдвинутых обвинений. Он неоднократно писал об уязвимости позиции Бурцева, часто пренебрегавшего в погоне за сенсационными разоблачениями необходимостью доводить до сведения читателя те факты, на основе которых делались разоблачения.

Дневник Лопатина содержит мало «неделовых» сведений о его жизни в Париже. «Видит бог,— писал он Бурцеву 7 марта 1910 г.,— совсем не имею времени для себя и даже Парижа не вижу совсем, живя в нем только номинально». Но эти немногие записи представляют особый интерес. Среди них — сообщение 18 февраля 1910 г. о нахождении своего «стокгольмского архива»²⁹, который он считал утерянным: «Сегодня вечером пошел по просьбе Русановой проведать ее дочку и — о чудо! — наткнулся случайно на свой стокгольмский архив, где нашел и метрику моего сына, и мою переписку с Бакуниным по Нечаевскому делу, и многое другое. Ужасно рад». К сожалению, в дальнейшем Лопатин лишь один раз упомянул об этом архиве: «19.II.10. Пересмотрел слегка свой архив».

Дважды Лопатин записал в дневнике о приездах в Париж В. Н. Фигнер. 24 марта 1910 г.: «Приехала В(ера) Н(иколаевна). Зовет повидаться сегодня. Не знаю — буду ли в силах выйти со двора?»; 23 апреля 1910 г.: «Ходил встречать Фигнер, вернувшуюся из Бельгии». К сожалению, в письмах В. Н. Фигнер к Лопатину, хранящихся в ЦГАОР³⁰, нет упоминаний об этих встречах. Но в них содержатся сообщения, свидетельствующие о том, что на митинге в Париже в честь столетия со дня рождения А. И. Герцена³¹, на котором Горький читал свой рассказ «Рождение человека», предполагалось огласить также письмо Лопатина о Герцене. Фигнер писала Лопатину 11 апреля 1912 г. из Парижа: «В понедельник, 15-го, будет митинг в честь Герцена (я председательствую; участвуют Pressensac, Горький, Авксентьев, Рубанович³² и др.). И вот сегодня зашел с Руб(ановичем) разговор, будто Герцен вызывал и вызвал Лаврова из России, чтоб передать ему, так сказать, светоч руководительства новым поколением (которое уже не понимало Герцена), и что Лавров приезжал, когда Г(ерцен) уже умер. Что ты знаешь по этому поводу??? Твое свидетельство может разъяснить вполне, есть ли тут какая-нибудь крупница правды. Ответь тотчас же, ибо Руб(анович) очень интересуется этим вопросом и хотел бы упомянуть на митинге об этом обстоятельстве. Слышал же он от Богучарского, который теперь здесь <...> Еще просят, чтоб ты, если можешь, то написал бы что-нибудь подходящее о твоей встрече с Герц(енем)³³, что можно было бы прочесть на митинге. Непременно ответь поскорее о вопросе Руб(ановича)»³⁴. После того как митинг состоялся, Фигнер сообщила Лопатину 22 апреля 1912 г.: «Письмо твое о Гер(цене) — Лаврове получили вовремя»³⁵.

Приведем также запись от 2 мая 1910 г.: «Сегодня предстоит грандиозная рабочая демонстрация. Ожидают столкновения с полицией и войсками. Вчера, в 6 ч(асов) у(тра) мимо нас шли кирасиры и драгуны, эскадрон за эскадроном. Говорят, в прошлом году русских здорово „утюжили“. Но все же думаю пойти посмотреть: авось не накладывают по шее <...> Был на демонстрации. Ничего не было худого».

4 мая 1910 г. Лопатин, незадолго до своего отъезда из Парижа, писал Бурцеву: «Пока я и сам еще не знаю — уеду ли я или дождусь Вас. Дело в том,

что у меня сегодня утром был опять особенно сильный припадок, а ведь в конце концов жить всякому хочется, хотя бы для того, чтоб досмотреть — чья возьмет: курносый Колька или проснувшаяся Федора»³⁶.

II

Еще одна постоянная тема писем Лопатина — издательские предприятия Бурцева (журнал «Былое», газеты «Общее дело» и «Будущее»). Они не стали в ряд самых заметных явлений русской журналистики того времени. Их тематический кругозор был достаточно ограничен. Их идеологическое направление было аморфным, в духе «общей левизны» амфитеатровского «Современника». Но при всех недостатках свой вклад в дело разоблачения преступлений российского монархического режима эти издания внесли. В придании им острокритической направленности несомненны заслуги Лопатина — его отзывы, рекомендации и его непосредственная практическая помощь.

Особенно большое внимание бурцевским изданиям уделил Лопатин во время своего пребывания в Париже в январе—мае 1910 г. В это время он активно занимался подготовкой № 13 журнала «Былое» и № 3 и 4 газеты «Общее дело».

Газета «Общее дело» выходила с 15 октября 1909 г. по 15 августа 1910 г.³⁷ В программных выступлениях газеты было заявлено, что «Общее дело» не является «органом какой-либо сложившейся и действующей в России политической партии» (№ 1) и что «основная идея органа» — «идея необходимости блока всех оппозиционных и революционных партий в России» для борьбы с самодержавным правительством (№ 2). Программа газеты была достаточно умеренной («политические права для всех, полноправное местное самоуправление, Государственная дума, правильно выбранная народом и имеющая законодательную власть...»), и не ею определялось содержание издания. Основное место в «Общем деле» занимали печатавшиеся на ее страницах разоблачительные документы, направленные против самодержавия и непосредственно против царя—«кровопроливца» Николая II: «Юбилей позора и крови. К 15-летию вступления на престол Николая II» (№ 3), «Поездка царя в Европу. Манифест итальянских социалистов по поводу предстоящего приезда царя» (№ 1) и др.— и статьи, раскрывающие механизм действия царской охраны в России и за границей.

Идея организации «Общего дела» относится к лету 1909 г. Заинтересовавшись новым изданием, Лопатин писал Бурцеву 3 августа 1909 г.: «Как было не сообщить мне программы Вашего нового журнала? Я о нем слышал кое-что лишь на словах от Ил<л>арии> Вл<адимировны>»³⁸ — название („Общее дело“ — Ла Коз Коммюн) мне нравится, хотя оно и существовало ранее³⁹. (Тогда его переводили на французский: Ла Коз Женераль — Генеральская Коза)».

Участие Лопатина в газете было закономерным. На новом этапе общественного развития он продолжал критику строя, основанного на деспотической власти. «Самодержавие отжило свой век,— писал он в передовой статье № 10 „Народной воли“ (1884),— а потому неустанная, неумолимая борьба против него, в лице всех его представителей, борьба без отдыха, без пощады и без перемирия, есть священной долг всего живого и честного на Руси. Вот почему еще решительнее и энергичнее, чем когда-либо, повторяем мы свой старый клич: Carthago delenda est*».

Вместе с Лопатиным в редакции «Былого» и «Общего дела» работали секретарь Бурцева Родштейн (Валерьян) и Бернштейн. «По литературной части все идет очень гладко,— писал Лопатин в „Дневнике“ 24 февраля 1910 г.— Б<ернштейн> советуется со мной о всяком пустяке и безусловно принимает всякое мое замечание: будь это исключение, прибавление или исправление чего-либо. Одним словом, держится со мной как с главным редактором, чем даже конфузит меня и заставляет быть очень осторожным в заключениях из опасения ответственности». В записи дневника от 16 апреля 1910 г. Лопатин определил круг тех вопросов, которые были

* Карфаген должен быть разрушен (лат.).

ему наиболее близкими. Сетую на то, что Валерьян часто принимает решения по редакционным делам, не посоветовавшись с ним, он писал: «...и это иногда по таким делам, в которых он особенно мало смыслит, а я особенно густо понимаю, — как, например, литературные, партийно-дипломатические или практические, вроде „капитала оппозиции“».

Уже в момент организации издания Лопатин стремился привлечь к нему Горького. Он писал Бурцеву 14 августа 1909 г.: «Говорил с Амф(итеатровым) насчет Вашего журнала. Он вполне сочувствует программе и с удовольствием готов сотрудничать. По его словам, Горький тоже сочувствует и готов на сотрудничество, но желал бы получить сначала от Вас сколько-нибудь обстоятельное письмо насчет Ваших целей, программы и пр. Поспешите написать ему, если эти строки захватят Вас в Париже, до отъезда в Лондон. К несчастью, я позабыл, какого числа Вы собирались выехать туда: Амф(итеатров) и Горь(кий) разрешают Вам сейчас же объявить их в числе сотрудников. Но, по словам Амф(итеатрова), Горький сейчас очень поглощен одной работой⁴⁰ и едва ли успеет сделать что-нибудь для № 1. Однако он обещал сегодня же написать ему на этот счет и даже дать тему. А именно, Горь(кий) собирался опубликовать письмо к англ(ийскому) народу по поводу поездов царя, но опоздал уже. Так вот, Амф(итеатров) хочет посоветовать ему написать „Письмо к туркам“ и напечатать его у Вас. Это недурная идея. Сам же он, может быть, напишет забористую статейку по поводу предстоящего визита царя в Бари, и пр.» (А—Г, п. от 14 августа 1909 г., прим. 2).

Из письма Лопатина Бурцеву от 11 декабря 1909 г., написанного во время его пребывания на Капри, мы узнаем о факте, не зафиксированном в дневнике Пятницкого (см. наст. том), — о переговорах Лопатина с Горьким по поводу его участия в газете «Общее дело». «Бога Вы не боитесь, В(ладимир) Л(ьвович)! — писал Лопатин. — Сообщаете: „Пишу Вам на Капри“. А вместо того я не нашел здесь ни строчки ни на почте, ни у Г(орького)! Я рад, что приехал сюда, хотя и не могу утилизировать эту поездку для себя, т. е. чтобы осмотреть Неаполь и Рим. Зато для Вашей цели она сложилась хорошо. Г(орький) отнесся с большим участием и к Вашей деятельности, и к плану большой газеты (по замыслу А(лекса)ндра) В(алентиновича)). Говорит: „Вот управимся, получим деньжонок; нужно бы съехаться и обсудить сообща это „Дело“, и пр.“ Говорю: „Это хорошо. Но помогите сейчас тому, что есть. Дайте для „О(бщего) д(ела)“ статейку с Вашим именем, если можно беллетристику, если это „себе дороже стоит“, то голую политику“. — „С удовольствием“. — „Но Вы, кажется, крепко поглощены романом, а мне нужно скоро, к № 3“. — „Ничего. Вздор. Отложу немного эту работу. А когда выходит № 3?“ На это я — увы! — не знал, что ответить ему. Решили все же поторопиться. У меня его слова и тон вызвали доверие (что даст), но, конечно, рутаться не могу. Вчера послал Вам депешу. Выеду если не сегодня, то завтра». 13 декабря Лопатин писал Бурцеву: «И главное, делать мне здесь для Вас больше нечего: А(лексей) М(аксимо)вич снова чуть не клятвенно обещал мне дать нечто для „О(бщего) д(ела)“ в самом скором времени, отложив, буде нужно ради этого, даже спешную платную работу. Хоть это утешительно, по крайней мере ездил даром».

Третий номер «Общего дела» (от 15 января 1910 г.) вышел в свет 22 января 1910 г. без статьи Горького. Его тираж был небольшим. В тот же день Лопатин записал в дневнике: «Вышел № 3. Получили 70 штук. Послезавтра (понедельник) получим еще 30 шт. На выкуп остальных и рассылку нет денег. Большое место в № 3 было уделено, в частности, информации о деле А. А. Петрова, были напечатаны два отрывка из его мемуаров. В номере помещено сообщение о смерти Л. Э. Шишко, написанное Лопатиным⁴¹. В разделе «Черная книга русского освободительного движения (предатели, провокаторы, сыщики)» опубликованы списки разоблаченных агентов полиции.

В феврале Лопатин работал над формированием и редактированием № 4 «Общего дела». И вновь его беспокоило отсутствие статьи Горького. 13 февраля 1910 г. он извещал Бурцева: «Получил письмо от Горького. Извиняется за неприсылку статьи и объявляет, что он так удручен работой, что не может написать ее». Приведенные слова характеризуют не дошедшее до нас письмо Горького Лопатину

и помогают установить дату его написания (примерно 11 февраля 1910 г.). № 4 «Общего дела» вышел в свет только 15 августа 1910 г. Он открывался статьей Бурцева «Азеф, Герасимов⁴², Столыпин». В нём была напечатана также корреспонденция «Жандарм в роли разоблачителя охраны (по поводу записки ген. Новицкого)»⁴³, появлению которой предшествовало изучение архива Новицкого Лопатиным.

22 февраля 1910 г. Лопатин записал в дневнике: «Приехал С. Иванов⁴⁴. Привез с собой архив Новицкого, где есть, между прочим, и пресловутая докладная его записка о провокации (...) Мне бы очень хотелось вырвать из-под носу у эсеров эту пресловутую докладную записку и напечатать ее в № 13 („Былого“); 25 февраля 1910 г.: «Читали втроем — я, В(алерьян) и Б(ернштейн) докладную записку Новицкого. Очень интересно как официальное показание жандармского офицера о провокации и ее гнусности». Но отстоять право на публикацию «Записки» в «Былом» Лопатину не удалось. В упоминавшейся выше корреспонденции «Общего дела» сообщалось: «Знаменитый генерал Новицкий — в роли разоблачителя провокационной деятельности всероссийской охранки — таково, в общих чертах, содержание имеющей появиться на днях, в издании социалистов-революционеров, тайной докладной записки⁴⁵, поданной на высочайшее имя бывшим начальником киевского губернского жандармского управления»⁴⁶.

Горький заметил корреспонденцию «Общего дела» и в письме к Бурцеву от 22 августа 1910 г. просил выслать ему записку генерала Новицкого. «Принять участие в „Общем деле“, — пояснял Горький в этом же письме, — я не „не хочу“, а — не могу, по недостатку времени» (АГ). Четвертый номер «Общего дела» был последним. Но в конце 1910 г. Лопатин еще надеялся на продолжение газеты. 15 ноября 1911 г. он писал Бурцеву: «Быть может, выйдет вскоре № 5 „Общего дела“, — дай бог». Последний раз газета упоминается в связи с намерением Лопатина написать о самоубийстве Е. С. Созонова (См.: А—Г, п. от 8 июня 1910 г., прим. 10). Он писал: «Смерть Созонова поразила меня, как громом, хотя здешние зерентуйцы⁴⁷ давно предсказывали ее и не верили в выход его из тюрьмы. С ним исчезает у Вас самый важный свидетель. Потеря неопределимая! Прочитав об этой смерти, я просил одного зерентуйца изложить мне факт стрельбы по Созонову⁴⁸, намереваясь прибавить к этому свое предисловие и послесловие и использовать затем все сие в агитационном смысле». «И какие ужасы в нынешней каторге, — писал Лопатин 30 декабря 1910 г. — Но поражают меня и каторжане. Я понимаю, терпеть все молча, по возможности избегая личных оскорблений (для себя), в надежде выйти когда-нибудь на свободу. Но раз решил умереть, зачем же умирать *пассивно*, а не вцепившись в горло обидчику?!.. Эх-ма!» Лопатин заблуждался относительно истинных причин самоубийства Созонова. На самом деле Созонов покончил жизнь самоубийством в знак протеста против телесных наказаний.

Лопатин внес, несомненно, полезный и заметный вклад в издание «Общего дела». Но при этом он сознавал, что газета не заинтересовала широкие слои читателей, так как надежды на привлечение крупных литературных сил, и прежде всего Горького, не осуществились. Лопатин считал, что журнал «Былое», издаваемый Бурцевым в Париже, «гораздо больше интересуется публику» (п. Бурцеву от 15 нояб. 1911 г.).

III

На титульном листе каждого номера журнала «Былое» (А—Г, п. от 14 марта 1908 г., прим. 2), возобновленного Бурцевым в Париже в 1908 г., значилось: «Сборник по истории русского освободительного движения». Вместе с тем в редакционной статье в № 7 «Былого» Бурцев назвал издание историческим журналом. «Выпуском настоящего 7-го № „Былого“ мы возобновляем за границей исторический журнал, издававшийся там в 1900—1904 гг. Мы прекратили его издание в 1905 году, как только в России оказалась возможность в легальной литературе более или менее свободно заняться изучением „былого“ освободительного движения». В статье содержалось обращение доставлять «воспоминания и статьи об освободительном движении, — особенно о 1905—1906 гг. (...) разного рода политические документы и печат-

ные произведения свободной прессы (...) обвинительные акты по политическим делам, описание процессов, письма подсудимых» и т. п.

В № 8 журнала (1908) было указано: «С июня мы рассчитываем ежемесячно выпускать „Былое“ по 8—10 листов каждый номер». Это намерение осуществить не удалось, журнал выходил с большими перерывами (за период с 1908 по 1914 г. вышло шесть номеров журнала, из них — два номера сдвоенных).

В машинописи приводится письмо Лопатина неизвестной А. от 19 января 1909 г. с оценкой журнала: «„Былое“ оказало и оказывает немало услуг русской исторической науке. Его содействие развитию и просветлению нашего общественно-го самосознания также несомненно. Наконец, невозможно отрицать и его заслуг в деле очищения нашей политической атмосферы путем раскрытия и обнаружения развещающей общество провокации».

На предложение Бурцева участвовать в издании журнала «Былое» Горький ответил отказом; но, по мере того как выходили отдельные книжки журнала, возрастал интерес Горького к ним, нашедший свое отражение в письмах к Бурцеву.

Ожидая выхода № 8 «Былого», Горький писал Бурцеву в апреле 1908 г.: «Просил бы Вас выслать мне № 8-й „Былого“ со статью о Стародворском» (АГ). Речь шла о публикации с предисловием Бурцева прошений о помиловании, поданных шлссельбуржцем Н. П. Стародворским, тайно полученных Бурцевым из Департамента полиции вместе с другими материалами из архива Шлссельбургской тюрьмы (Лопатин называл их материалами «шлюшинского архива». — См. ниже) ⁴⁹. Бурцев опубликовал эти прошения отдельным оттиском из «Былого» до выхода № 8 в свет, но в самую книжку журнала эти документы не включил. В связи с этим Лопатин писал 20 декабря 1908 г.: «Спрашиваете моего мнения о № 8, а самой книги не присылаете!.. Прежде всего я поражен отсутствием документов Ст(ародворско)го. По-моему, это противно журнальной этике. Ведь они были изданы, как отдельный *оттиск* из № 8, а теперь № 8 вышел, а их там нет. Выходит какое-то „фо анекритюр“» ^{2*}.

Приведем в этой связи письмо Лопатина к Бернштейну, относящееся, по-видимому, к 1909—1910 гг., в котором он рассказывал о Стародворском: «Прощение Ст(ародворского) о принятии его в солдаты стало известно его товарищам от самого Ст. еще в Шл(иссельбурге), куда он был временно возвращен из СПб., впредь до окончательного решения его участи. Понятно, что этот акт не мог понравиться им, а в особенности то, что он был сделан тайно от них и открылся совершенно случайно вследствие этого неожиданного возвращения (...) Впоследствии, когда известные документы попали в руки Б(урцеву), он показал их Ст. и сказал ему, что он будет хранить их в тайне, если тот обещается ему устроить впредь от участия в политике. Это свое обещание он и соблюдал до тех пор, пока появление слухов о сношениях Ст. с М(инистерством) в(нутренних) д(ел) — слухов, выпедших совсем не от Б(урцева), а от одного из бывших товарищей Ст., получившего их из компетентных, по его словам, источников, не освободило Б. от его обещания.

Парижский суд разбирал только вопрос о том, имел ли право Б. опубликовать эти загадочные и неясные документы, — малопонятные для читателя, вследствие отсутствия промежуточных звеньев — когда Ст. утверждал, что два из них — подложные, подделанные под его руку. Суд решил, что был неосторожный и недозволительный поступок, извиняемый до некоторой степени только его доброй целью, — устранить опасность общения с подозрительной личностью. Ясно, что приговор этот имел значение лишь для тех, которые вместе с судом верили голословному заявлению Ст. о их подложности, а не для тех, которые — как Б. и некоторые другие — знали способ приобретения этих документов, почерк Ст., общий характер содержащего их рукописного тома и др. относящиеся сюда подробности».

С особым вниманием и Горький и Лопатин отнеслись к № 11/12 «Былого», в котором были напечатаны воспоминания П. Рутенберга «Дело Гапона». Рутенберг начал писать свои воспоминания в конце 1907 г., в то время, когда он жил на Капри и часто встречался с Горьким. В примечаниях к «Делу Гапона» Рутен-

^{2*} ложное, ущербное издание (лжеиздание) (фр.).

берг писал: «Относительно публикации рукописи просил Г(орь)кого взять на себя сношения с издателем (...) Рукопись не была тогда опубликована, так как издатель потребовал от меня дополнить ее. А меня брал ужас не только писать, но даже думать об этом деле. На этой почве у меня вышло недоразумение с Г(орьки)м, который, очевидно, не совсем ясно представлял себе мое тогдашнее душевное состояние»⁵⁰. Особую злободневность мемуары приобрели после объявления Азефа провокатором. Горький писал Ладыжникову в начале 1909 г., имея в виду Рутенберга: «Дело Азефа должно разгореться в большой скандалище. На днях в него вступит известное Вам лицо, связанное с делом Гапова»⁵¹. В «Былом» воспоминания Рутенберга были напечатаны в значительно расширенном виде. В них вошла специальная глава, содержащая разоблачительные материалы об Азефе и ЦК партии эсеров.

В октябре 1909 г. Горький сообщил Бурцеву: «Получил и прочитал последнюю книгу „Былого“ — очень ценная и интересная книжка» (АГ). Лопатин писал Бурцеву 21 сентября 1909 г.: «Сильное впечатление — и по содержанию, и по форме — производит на всех рассказ Рутенберга».

Дневник 1910 г. позволяет сделать вывод, что Лопатин является не только фактическим редактором, но и составителем № 13 «Былого» (1910). Кроме того, и это особенно важно, Лопатин был безымянным публикатором целого ряда материалов этого номера. Записи его «Дневника» позволяют установить, какие именно материалы журнала были подготовлены самим Лопатиным. Вот что он писал 29 января 1910 г.: «Просмотрел я кое-какие бумаги из Шлюшинского архива⁵². Некоторые интересны для бывших сидельцев, но не годятся для опубликования. А некоторые (напр(имер), донесение Коменданта о Кутафье (см. ниже), а также о казни Мышкина и Минакова⁵³), мы, может быть, и напечатаем в № 13 „Былого“ или в № 4 „О(бщего) д(ела)“». 1 марта 1910 г. Лопатин записал: «...редактировал пока для № 13 и снабжал примечаниями кое-какие шлюшинские документы, а именно: а) о Лаговском⁵⁴, под заглавием „Бессудное заточение“, и о Минакове, Мышкине, Клименко и Гинсбург⁵⁵, под общим заглавием: „Из Шлисс(ельбургско)го мартиролога“. Быть может, напечатаем еще документ о Кутафье».

Под заглавием «Бессудное заточение» в № 13 «Былого» были опубликованы донесения и «справки» из архива Департамента полиции, в которых речь шла о содержании в Шлиссельбурге «политического ссыльного Михаила Федорова Лаговского». В редакционном предисловии, очевидно написанном Лопатиным, говорилось о причинах жестоких мер, принятых против Лаговского: «В письме, перехваченном на почте, Лаговский употребил несколько ругательных эпитетов по адресу Александра III. Это и послужило поводом для личной мести царя Лаговскому». В этом же предисловии говорилось: «К сожалению, мы не можем приложить упоминаемых здесь писем М. Лаговского, так как в данное время мы по некоторым обстоятельствам пока не имеем их в руках. В свое время нам удалось их прочесть».

Под заглавием «Из Шлиссельбургского мартиролога» в № 13 «Былого» были опубликованы материалы о заключенных Егоре Минакове, Ипполите Мышкине, Михаиле Клименко, Александре Тихановиче⁵⁶ и Софье Гинсбург. Редакционное вступление и примечания к публикации также были сделаны Лопатиным. «Печатаемые ниже документы из архива Департамента полиции говорят сами за себя и не нуждаются в особых комментариях, — сообщалось в предисловии. — Мы ограничились лишь справками чисто фактического характера, наведенными нами у самих бывших заключенных в Шлиссельбургской крепости». Но в некоторых случаях Лопатин составлял примечания как бы от своего имени. Так, по поводу самоубийства Софьи Гинсбург говорилось: «Заметим, что она находилась в худших условиях, чем остальные заключенные. Те с самого начала упорно переступивались между собою, несмотря ни на какие строгости и взыскания. Она же сидела в „сарая“ совсем одна, прислушивалась только к крикам помешанного Щедрина⁵⁷ в ответ на поддразнивания жандармов. О ее пребывании в Шлиссельбурге и смерти остальные заключенные узнали лишь через два или три года после ее кончины».

«Документ о Кутафье» — это, вероятно, следующая публикация «шлиссельбургского цикла» под заглавием «Из области правительственного ханжества». «Ку-

тафья» — прозвище княжны М. М. Дондуковой-Корсаковой. В предисловии к публикации говорилось: «Печатаемое ниже официальное письмо по начальству бывшего коменданта Шлиссельбургской крепости Яковлева относится к пресловутым посещениям Шлиссельбургской тюрьмы покойной княжной М. М. Дондуковой-Корсаковой, представляющим один из образчиков того ханжества, которым так характерно „сдабривалась“ бездушная жестокость правления последних Романовых».

Помимо этих материалов, Лопатиным подготовлена публикация «П. Л. Лавров о письме В. Гольцева»⁵⁸ во „Вперед!“». В примечаниях от редакции Лопатин сообщил, что Лавров был автором напечатанного во «Вперед!» ответа редакции В. А. Гольцеву. Можно предположить также, что именно Лопатин подготовил для того же номера «Былого» сокращенный журнальный вариант «Записок А. А. Петрова», о которых он писал Горькому 1 января 1910 г. (Г—Л, п. 1). В предисловии «От редакции», написанном, по-видимому, Лопатиным, говорилось: «Записки эти, представляющие крупный общественный и исторический интерес и вскрывающие всю тайную и до сих пор мало известную систему правительственной провокации, появились недавно отдельным изданием». Лопатиным был сделан также пересказ эпизодов, которые были опущены, и написаны подстрочные примечания.

2 апреля 1910 г. Лопатин извещал Бурцева: «Значит, если будут деньги выпустить № 13, то он выйдет очень неплох, благодаря таким оживляющим и сенсационным вещам, как: а) Петров, б) Шмидт, в) Временное правительство, г) Рига и д) (шлюшинские) документы»⁵⁹.

Приведем в заключение высказывание Лопатина из письма к Бурцеву от 26 сентября 1912 г., из которого видно, как понимал Лопатин задачу публикатора: «Все медлю ответом в ожидании, когда А(лександр) В(алентинович) отделает Сотникова⁶⁰, о чем — мягко, но настойчиво — напоминаю ему ежедневно (...). По-моему, так как это — документ, предназначенный для помещения в „Былом“, т. е. в историческом журнале, то отделять его литературно, т. е. выправлять слог и т. п., вовсе не следует».

IV

В письмах Лопатина к Бурцеву 1911—1912 гг. представляют большой интерес его упоминания о журнале «Современник».

Лопатин близко стоял к «Современнику» в организационный период создания журнала. Амфитеатров предполагал поначалу, что Лопатин будет работать вместе с ним в общественном отделе издания.

В объявлении о журнале, печатавшемся в газете «Речь», где сообщалось о постоянном сотрудничестве в нем Максима Горького, среди участников журнала был указан и Лопатин. По этому поводу В. И. Ленин писал Горькому, что Лопатин не из тех людей, которые способны «дать направление» журналу⁶¹.

В связи с этим любопытно свидетельство Лопатина в письме к Бернштейну от 7 декабря 1910 г.:

«1. Мое „ближайшее участие в «Современнике»“ — собственная фантазия В(ладимира) Л(ьвовича)⁶².

2. Горький тоже не имеет касательства к редакции, которая за границей лежит на одном Амф(итеатро)ве».

Сотрудничество Лопатина в журнале, не будучи «ближайшим», ограничивалось лишь публикациями очерка «Не наши» и небольших воспоминаний о В. А. Караулове. Но из переписки Амфитеатрова и Лопатина видно, что Лопатин проявлял живой интерес к «Современнику», читал материалы, поступающие в редакцию, обмениваясь с Амфитеатровым суждениями о них⁶³.

В письме Лопатина к Бурцеву от 12 февраля 1911 г. мы находим непосредственный отклик на конфискацию кн. 1 «Современника»: «7-го пришла депеша о выходе № 1 „С(о)временника“», а 9-го — самая книжка. О достоинствах и недостатках ее судите сами. (Ведь вы, вероятно, тоже получили ее?) Про себя скажу, что меня взбесила ее корректура, самая свинская: средним числом по 1½ опечатки на страницу! Виданное ли дело? В моей статье⁶⁴ в двух местах пропущены целые слова. В статье Горького⁶⁵ целые строки, до потери смысла. К счастью, вскоре

заметили (вернее, первые читатели указали), приостановили рассылку и перепечатали страницу. Да, нелегко редактировать издали... Но придется ли? Вчера вечером пришла депеша: „Номер конфискован за статью Лопатина“. Конечно, моя статья 37-летнего возраста — только предлог, а в основе лежит неодобрительное отношение к этому изданию вообще». 12 марта 1911 г. Лопатин вновь возвращается к этой же теме: «К слову сказать, эта редакция и ее контора на редкость неделовиты. Между выходом № 1 и наложением ареста прошло более 4 суток. Кажется, было время разослать № подписчикам и по магазинам и сделать арест фиктивным? Но они напечатали даже очерк Горького черт знает как, с пропуском целых строк. Городские читатели обратили на это их внимание; и вот, они приостановили рассылку и начали перепечатывать первый лист; а в это время их и накрыла конфискация. Вот недотепы-то! Все надежды на доходы от розничной продажи № 1, конечно, лопнули. Подписка тоже пострадала. Суд(ебная) палата умышленно откладывает рассмотрение дела с недели на неделю. Убытки растут. Так им дурням и надо! (...) Видели ли Вы в Париже Горького?»⁶⁵

Бурцев сообщил Лопатину 10 марта 1911 г., что посылает для «Современника» «Доклад министру юстиции Щегловитову»: «Посылаю Вам 2 экз(емпляра) нового моего доноса,— писал он,— 1 — Вам, 2-й — в Петерб(ург) в „Современник“ („в обмен изданиями“)⁶⁷. Лопатин отвечал в цитируемом выше письме: «В „Совр(еменник)“, ради „обмена“ я этого оттиска не послал, ибо храбрая редакция умоляла нас — не делать им таких подарков».

В письмах Лопатина Бурцеву от 30 апреля и 15 мая 1911 г. мы находим оценку тех перемен в «Современнике», которые произошли после образования коллективной редакции (см. Г—А, Г—Ч). 30 апреля Лопатин писал Бурцеву из Фецдано об этих переменах в связи с намерением Бурцева привлечь Горького к изданию новой большой газеты: «О „случайности“ или „небрежности“ Г(орького) не может быть и речи. Тут прежде всего — действительный недостаток времени, а затем — „политические“ причины ввиду его новых отношений. Он был здесь с Ч(ерновым)⁶⁸, а затем, оставив его тут, уехал к себе, чтобы вернуться снова с М(иролюбовым). Однако приехал один М(иролюбо)в, а Г(орький) остался на Капри⁶⁹. Вот вкратце то, что может интересовать Вас: 1) хотя Г(орький) и А(мфитеатров) считают „газету“ своевременной, полезной, не невозможной, но о серьезной инициативе и помощи с их стороны нечего и думать. Самое большее — не откажут от времени от времени в статьях, когда газета *уже будет* существовать. Деньгами — ни копейки. 2) Г(орький) и эсеры мечтают о легальном журнале с богатой информацией, со множеством корреспондентов на местах, в недрах народа, с рассылкой делегатов и ревизоров, и пр. Сюда Г(орький) желал бы употребить обещанную ему денежную помощь,— в осуществимости которой, к слову говоря, я очень сомневаюсь. 3) А пока Г(орький), М(иролюбов) и Ч(ернов) (а вероятно, и другие с-р.) хотят деятельно примкнуть к „Совр(еменнику“ с тем, чтобы расширять и развивать его до *такого* журнала, как сказано выше. 4) В этих видах Ч(ернов) и М(иролюбов) осматривали дачи поблизости отсюда. Да и Г(орький), по-видимому, не прочь переселиться с К(апри) тоже сюда поближе, если ему позволят разные семейные и другие личные обстоятельства, о коих сужу лишь по догадке и не считаю себя вправе распространяться. 5) Да и то, что сказано мною выше о вступлении Г(орького) и с-р. в „Совр(еменник)“, о переселении сюда главных лиц, о денежных соображениях и пр., сообщаю Вам лишь по дружбе и прошу держать строго *между нами двумя*. Я страшно боюсь всяких нескромностей, особенно ввиду моего совместного жительства и приятельских отношений с А(мфитеатровым), налагающих известные моральные обязательства».

Это письмо Лопатина интересно тем, что характеризует конкретные обстоятельства, которые побудили Горького пойти на союз с Черновым и Миролюбовым в формировании коллективной редакции «Современника» в конце апреля 1911 г. Замысел журнала, о котором пишет Лопатин, был действительно заветной мечтой писателя, осуществлению которой мешало прежде всего отсутствие денежных средств. Из цитируемого письма следует, что Чернову, Авксентьеву и Бунакову удалось во время парижской встречи (см. Г—Ч) убедить Горького в том, что эсеры

располагают необходимыми средствами для финансирования нового журнала и готовы содействовать осуществлению программы Горького в журнале «Современник». Но Горький отнюдь не связывал осуществление своего замысла только с эсерами. Непосредственно после формирования коллективной редакции «Современника» он обратился к И. Д. Сытину с просьбой финансировать новый журнал. В этом письме программа журнала изложена более подробно.

«А мне приходится крутенько,— писал Горький,— и работать я должен как вол. Задач масса, выполнять их принужден я один. Только удалось, кажется, организовать журнал, думаю о другом, необходимом по нынешним временам.

Этот другой журнал — давняя моя мечта: его основная цель — всестороннее изучение России, а не проповедь каких-либо партийных взглядов.

В нем должны быть совершенно новые отделы, например:

Обзорные торгово-промышленной и экономической жизни России.

Обзорные иностранной экономической политики и торговли.

Обзорные провинциальной жизни, поставленное на совершенно новых началах.

Это должен быть журнал, который читался бы с одинаковой пользой купцом и крестьянином, чиновником и интеллигентом (...) Мы всё знаем, кроме России, которую всячески задержали, но знать ее не хотим. И вот надо заставить людей учиться узнавать Русь»⁷⁰.

Почти в то же время (после 25 апреля / 8 мая 1911 г.) Горький обратился с аналогичной просьбой к члену финансовой комиссии МК РСДРП Е. К. Малиновской: «Суть вот в чем: Вы однажды писали мне, что есть на примете у Вас человек, который мог бы дать денег на издание журнала — жив он и желание его — не умерло?

Если да, я очень просил бы Вас: предложите ему войти со мной в переписку или устроить свидание со мною. В данный момент журнал можно организовать блестяще и, мало того, поставить его без убытка, как солидное коммерческое дело.

Итак — жду ответа. Письмо сие покуда оставьте между нами, о чем усиленно прошу»⁷¹.

Далее, из следующего письма Лопатина Бурцеву от 15 мая 1911 г. мы узнаём, что Горький уже через две недели почувствовал невозможность осуществления своих надежд на подлинную реорганизацию «Современника». «Все затеи Г(орького), с которыми он ехал на К(апри), — писал Лопатин, — очевидно, рухнули (...) С К(апри) он не выедет, нигуда не переселится, деятельного и ответственного участия в „С(овременнике)“ принимать не будет, обещает статейки и советы, а также сочувствие, из чего, как известно, шубы не сошьешь». Цитируемое письмо соотносится с письмами Горького к Амфитеатрову этого периода (Г-А, п. от 10 мая 1911 г. и (между 19 и 21 июня 1911 г.)), в которых он отказывается участвовать в выработке новых «манифестов» и «конституций» «Современника».

В конце 1911 г. имя Лопатина как одного из авторов работ, предназначенных к публикации в «отделе мемуаров и очерков освободительного движения», было указано в объявлении о журнале на 1912 г. В связи с этим Лопатин писал Бурцеву 7 января 1912 г.: «Ведь Вы же прекрасно знаете, что я столько же член редакции „Современника“, сколько и „Буд(уще)го“: с обоими изданиями меня связывают лишь приятельские отношения с редакторами и общее сочувствие предпринятию. Даже о моем нахождении в числе постоянных сотрудников „С(овременника)“ я узнал лишь из печатного их списка: „без меня меня женили, — я на мельнице был“. Впрочем, не возроптал и не протестовал, ибо не вижу пока причин смущаться этим». Но, не будучи организационно связанным с этими изданиями, Лопатин тем не менее оказывал им активное содействие.

V

Осенью 1911 г. Бурцев приступил к созданию новой большой газеты. Газета получила название «L'Avenir» — «Будущее». 14 октября 1911 г. Горький сообщал Е. П. Пешковой: «Бурцев затеял газету, буду сотрудничать в ней»⁷². Из письма Лопатина Бурцеву от 10 октября 1911 г. становится известно о проекте Бурцева

превратить весь первый номер газеты в программный, с тем чтобы и Горький, наряду с Амфитеатовым и Бурцевым, выступил в нем с «передовицей». Лопатин писал: «А(лександр) В(алентинович) посылает Вам сегодня свою передовицу. Быть может, длинновата она для газеты, но как сократить ее, не жертвуя существенными мыслями и фразами, ей-богу, не знаю. Приходит мне в голову такая мысль: если и Горький доставит свою передовицу, — пусть иного тона и формы, но тоже, быть может, не очень коротенькую; да если Вы выскажете в своей передовице то, что лежит у Вас на душе, прибавив еще разные технические подробности об условиях и сроках издания, о способах содействия Вам со стороны сочувствующей публики, и пр., и пр., то не превратить ли Вам первый номер в номер-программу, ограничив его содержание лишь этими тремя передовицами лишь с небольшими специальными дополнениями информационного или иного свойства?»

Напомним, что и Амфитеатов, посылая Горькому текст своего вступления для «Будущего», писал об ожидании статьи Горького «о рабочем вопросе» (А—Г, п. от 13 октября 1911 г.). Но Горький на эти предложения не отзывался. Сохранилось важное свидетельство Бурцева: «В 1911 г. Горький должен был принять деятельное участие в предпринятом мною органе „Будущее“. Но мы разошлись при составлении программной передовой статьи для первого же номера»⁷³.

Для № 1 газеты Горький выслал сначала «Письмо каторжанам александровской центральной тюрьмы», затем статью «В ширь пошло...». Сообщая Бурцеву о получении от Горького «Письма каторжанам...», Лопатин предложил свой вариант редакционного вступления к нему. Он писал 11 октября 1911 г.: «А(лександр) В(алентинович) получил сейчас от Горького письмо, которое и посылает Вам вместе с приложением. Мне кажется, что это приложение очень стоило бы опубликовать (и ради содержания, и ради имени автора) в № 1 газеты с таким вступлением: „Недавно Горький получил в подарок от каторжан одной из сибирских каторжных тюрем изящно сработанные миниатюрные наручники и отвечал на этот подарок следующим письмом. Письмо Г(орького)“ — Можно было бы даже *озаглавить* этот эпизод, например, так: „Горький и каторжане“. Как видите, Горький не отказывается дать статейку, но тянет. Я просил А(лександра) В(алентиновича) в сегодняшнем ответе поторопить его дать, буде возможно, эту статейку для первого №».

Приводим для сравнения текст, опубликованный в № 1 газеты «Будущее»: «На днях каторжане -ской Центральной тюрьмы прислали М. Горькому в подарок сработанную ими копию наручников в миниатюре. Писатель ответил на этот трогательный присыл печатающимся ниже письмом — *Ред.*» (Заглавие публикации — «Письмо М. Горького к каторжанам -ской Центральной тюрьмы»⁷⁴).

15 октября 1911 г. Лопатин осведомлял Бурцева: «Сегодня Г(орький) сообщает Амф(итеатову), что он пишет для Вас статью, но пошлет ее через Феццано. Мы, конечно, не задержим ее отправки». 16 октября он сообщил о получении от Горького статьи «В ширь пошло...»: «Подневная почта принесла статейку Г(орького) для „Будущего“, которая и посылается. Конечно, это не то, что Вы просили, т. е. не программная статья, которая могла бы быть напечатана от редакции без подписи автора, но все же она будет иметь свое значение для начинающей газеты и по содержанию, и по внутреннему достоинству, и по имени автора. Прилагается для сведения препроводительное письмо Г(орького), которое по прочтении верните обратно» (Г—А, п. от 14 или 15 октября 1911 г.).

И «Письмо М. Горького к каторжанам -ской Центральной тюрьмы», и его статья «В ширь пошло...» были напечатаны в № 1 газеты «Будущее» (22 октября 1911 г.). 31 октября 1911 г., в связи с подготовкой № 3 газеты, Бурцев спрашивал Лопатина: «Даст ли что-нибудь Горький?»⁷⁵ Горький, как это видно из его писем к Бурцеву, выслал ему после выхода № 1 газеты целый ряд материалов («несколько отрывков из писем и газет дальневосточных», «заметку о тюрьме орловской», заметку, «составленную учителем В.»)⁷⁶, свидетельствующих, сколь широк был круг корреспондентов писателя в России. Заметка о тюрьме орловской была напечатана под заглавием «В Орловской губернской тюрьме. (Из воспоминаний крестьянина)» с примечанием от редакции: «Настоящее письмо, присланное нам М. Горьким, писано

одним крестьянином, побывавшим в орловском застенке. Мы печатаем это письмо без всяких сокращений и изменений»⁷⁷.

Высылая в «Будущее» «Письмо монархисту», Горький писал Бурцеву: «Не пригодится ли вам прилагаемое писание? Это — ответ на письмо ко мне от одного черносотенца, довольно известного и влиятельного в Поволжье» (АГ) (См. также: Г—А, п. от 29 ноября 1911 г., прим. 2).

В начале ноября 1911 г. Бурцев сообщал Лопатину: «От Г(орького) получил корреспонденции и письмо в № 4»⁷⁸. Но «Письмо монархисту» было напечатано в № 6 газеты «Будущее»⁷⁹.

В своих письмах Бурцеву Лопатин высказал ряд критических суждений в адрес газеты и ее издателя Бурцева. 13 ноября 1911 г.: «Странно мне немного Ваше удивление по тому поводу, что писатели с именем не согласны ни писать под чужую диктовку, ни работать для того, чтобы их труд бросался в корзину под столом»; 15 декабря 1911 г.: «Вообще, весь № 7, к прискорбью, довольно жалок, тогда как прежние 6 №№ были — каждый в своем роде — очень интересны. Едва ли удастся добиться пересмотра дела эсдеков Второй гос(ударственной) думы⁸⁰. Вон даже двери закрывают. Но все же опубликование признаний Бродского⁸¹ было очень полезно для русской и европейской агитации. Про какой „прекрасный фельетон Горького“ Вы говорите? Про „Письмо монархисту“? Оно действительно хорошо. Или про что-либо еще не появлявшееся? Во всяком случае Вам грех жаловаться на Горького за недостаточную поддержку (...) По поводу уклонения от совместной работы нужно выслушать обе стороны. Иной скажет, например, — „ну что мне за охота писать, если мои произведения бросают под стол в корзину с ненужной бумагой?“ В письме Лопатина упоминаются материалы, опубликованные в № 1 и 4 газеты «Будущее». На эти материалы В. И. Ленин ссылался в статье «О социал-демократической фракции II Думы», в которой требовал пересмотра дела социал-демократических депутатов II Думы. Ленин писал: «Лишь совсем недавно убедительные факты, в которых признался агент охранки Бродский, представили в полном свете отвратительные махинации наших властей»⁸². Говоря о необходимости обращения русского пролетариата к социалистам всех стран с требованием об освобождении социал-демократических депутатов, Ленин ссылался также и на другую публикацию в «Будущем»: «Во Франции товарищ Шарль Дюма уже начал кампанию и в статье, напечатанной в газете „L'Avenir“⁸³, предложил оказать энергичную поддержку русскому пролетариату в эту трудную минуту»⁸⁴.

К первым номерам «Будущего», представляющим тот уровень, на котором газете не удалось удержаться, Лопатин возвращается через несколько месяцев в письме от 1 мая (1912 г.): «Но боюсь, что в конце концов „Будущее“ едва ли может рассчитывать на правильную помощь А(лександра) В(алентиновича) и А(лексея) М(аксимова). А это жаль, так как таких бомб — как сообщение об Азефе⁸⁵, признания Бродского и протест иностранцев — для каждого № не напасешься, а с удалением этих двух лиц литературных талантов останется в газете мало». И в письме от 22 мая 1912 г.: «Точно я отрицал когда-нибудь, что „Будущее“ дало немало полезного материала и Г(осударственной) думе, и политической литературе! Напротив, я всюду защищал эту мысль и очень радовался первым его номерам. Но не могу же я закрывать глаза на то, что полезный материал мало-помалу истощился и что — к сожалению — скорого пополнения его не предвидится (...) А газетою „Будущее“ никогда не было и не будет: для этого требуются таланты иного рода».

В это же время и Горький пришел к выводу о малоэффективности газеты. Характерно, что во время своего пребывания в Париже 30 марта — 18 апреля 1912 г. Горький не нашел времени для встречи с Бурцевым. Бурцев писал Лопатину 25 апреля 1912 г.: «Где Горький? Он так и уехал из Парижа, не давши о себе весточки. Я не решился ехать к нему, раз и не известил меня»⁸⁶.

Горький писал в последних числах мая 1912 г. Бурцеву: «Позвольте говорить откровенно: я не чувствую себя полезным для тех целей, которые преследуются Вами в „Будущем“. Я вижу, как много сделано Вами для того, чтоб обвинительный акт против русского правительства был полон и неоспорим и, несомненно, история

воспользуется Вашим трудом с благодарностью. Но — это в будущем, а в настоящем Ваши удары по медным лбам и чугунным грудям не дают желаемых результатов, как мне кажется» (АГ). Тем не менее в октябре 1912 г. Горький передал Бурцеву статью, написанную по поводу событий в Кутомарской тюрьме, — «В пространство»⁸⁷.

Несколько ранее, 28 сентября 1912 г., Лопатин сообщил Бурцеву: «Сию минуту А<лександр> В<алентин>вич получил от Горького письмо, из которого спешу сделать для Вас нижеследующую выписку: „С Бурцевым вышло недоразумение: я писал по адресу, указанному им — на Фецадо, ваш дом — что *очень жду его* и имею о *многом* говорить с ним (курсив мой)»^{3*}. Не помню точно, но кажется — конверт был надписан на Ваше имя с передачей. Нет, очевидно, и в Италии простые письма не следует посылать, а особенно за последнее время это становится очевидным. *Напишу для „Будущего“ что-нибудь* (к<урсив> м<ой>)), вероятно, о Кутомарской тюрьме“. Очень я радуюсь этому письму <...> Есть в его письме еще одно место, которое я тоже выписываю, но, ради его интимности, прошу *держаться про себя*. „Живу я отчаянно: народищу понаехало багальон (к<урсив> м<ой>)), народ все нужный, есть интересные люди, намечаются хорошие дела. Посмотрим, что будет, но, кажется, — кое-что удастся“»⁸⁸ (Г—А, п. от 26 сентября 1912 г. Письмо цитируется не вполне точно).

Последняя попытка Лопатина привлечь Горького к сотрудничеству в газете «Будущее» относится ко времени его пребывания на Капри 3—10 ноября 1912 г., но она не имела успеха. (См.: Л—А, п. 28).

VI

Вернувшись в Россию в 1913 г., Лопатин ощутил происшедший поворот в ее общественно-политической жизни. «...Быть может, мы живем накануне перемен обстоятельств к лучшему, — писал он Бурцеву 30 декабря 1913 г./12 января 1914 г., — слишком уж безумствует реакция, точно накануне своей гибели по известному классическому изречению». Он убедился, что в этих, новых, условиях бурцевские издания не вызывают к себе интереса: «Вскоре по приезде и позже я не раз добросовестно сообщал Вам плоды моих печальных наблюдений над отношением всякого рода публики к Вам и Вашей деятельности, зависящим в немалой мере от ее неизвестности, т. е. от совершенной нераспространенности Ваших изданий. Я не видел здесь буквально *ни одного* № „Будущего“ <...> Писал я Вам также о равнодушном или даже отрицательном отношении публики к заграничной русской прессе вообще, об отказе помогать ей, ссылаясь на то, что не хватает средств на наши внутренние, гораздо более важные, дела, и т. д. Все это я писал Вам совестливо и толково». 7/20 февраля 1914 г.: «Как только я приехал и осмотрелся, тотчас же обобщил и сообщил Вам, что публика относится очень скептически к пользе русской газеты за границей, особенно при трудности ее составления и распространения, а потому поворачивает глухое ухо к просьбам о поддержке деньгами и трудом. Писал, что отсутствие сочувствия к другим областям Вашей деятельности объясняется в значительной степени их неизвестностью здесь в последнее время. Прибавлял для примера, что я ни разу не видал ни у кого *ни одного* экземпляра Ваших изданий и не знаю, где они добываются, если существуют».

5 мая 1914 г. Лопатин высказался еще более определенно о бесплодности попыток Бурцева получить в России поддержку газете «Будущее»: «Здравствуйте, дорогой В<ладимир> Л<ьвович>! Не пишу потому, что нечего сказать утешительного. Право, можно подумать иной раз, что большинство *не слышало* никогда о Вашем существовании и деятельности! О полном *равнодушии* к Вам и Вашим планам уж и не говорю! На просьбы о материальной поддержке отвечают: „Посмотрите на рабочие газеты: эсерские, меньшевистские и большевистские, выходящие в Питере, Клеве и иных местах. Оцените эту упорную, героическую борьбу скромных, безызвестных, безденежных людей против ежедневных штрафов, запрещений, обысков,

^{3*} Прим. Лопатина.

конфискаций, арестов и высылка редакторов, сотрудников, экспедиторов и т. д. Вот — современная борьба! Вот насущное дело! Вот кого нужно поддерживать всеми силами! А вы просите на заграничный орган, никому в России невидимый и неизвестный и читаемый даже за границей только эмигрантами, да и то небрежно, с превеликим равнодушием, а часто с насмешками над неутомимым издателем?" И т. д., и т. д. Вот и старайся тут!» И все же Лопатин направил Бурцеву «чрезвычайно важный по своей скандальности и подлинности документ, опубликование которого, — писал он Бурцеву 7/20 февраля 1914 г., — должно взбесить „сферы“ и страшно скомпрометировать их в глазах их искренних, наивных и благочестивых приверженцев. Не сделаете ли Вы это немедленно, не ожидая проблематического выхода следующего номера „Б(удущего)“? Найдутся ли у Вас для этого хотя бы маленькие деньги? Этот документ будет послан Бурцеву через Амфитеатрова 4/17 февраля 1914 г. В сопроводительном письме Амфитеатрову Лопатин писал: „А пока посылаю сей документ и умоляю переслать его немедленно Бурчику заказным порядком с просьбой о немедленном же опубликовании <...> Денег на это нужно очень мало, и если бы у Б(ур)чика не оказалось сейчас и того, то, может быть, Вы поможете ему или кто-либо другой, понимающий всю неприятность для „сфер“ от опубликования такой штуки. За верность копии с подлинником я ручаюсь. Что же до содержания, то мое впечатление таково, что автор наивно говорит истинную правду. Понятно, что я рассчитываю получить хоть пару экземпляров листовки заказным письмом *тотчас* по ее опубликовании“⁸⁹.

Письма эти — еще одно свидетельство общественной активности Лопатина в последние годы его жизни.

Высокое представление о Лопатине Горький пронес через всю свою жизнь, отношения же с Бурцевым и Амфитеатовым сложились совсем по-другому. Связи Горького с Бурцевым прервались после возвращения писателя в Россию. В июле 1917 г. в шовинистической газете «Русская воля» Бурцев начал клеветническую кампанию против Горького, представляя изменой родине антивоенную позицию писателя⁹⁰. В сентябре—октябре 1917 г. Бурцев выпустил в Петрограде газету «Общее дело», которая выступала против Советов и большевиков. Эта газета издавалась им также в эмиграции. В ней часто делались выпады против Горького.

Оказался во враждебном революции стане и Амфитеатров. Вспоминая о похоронах Лопатина в Петрограде в 1918 г. в своем публицистическом очерке «Заметки читателя» (1927), Горький дал его личности столь же высокую оценку, как и в 1909 г., после первой встречи с ним. Но здесь же он иронически нарисовал и «грузную» фигуру Амфитеатрова, не называя его фамилии, но достаточно точно воспроизведя приметы его внешнего облика и самый тип поведения «напоказ», среди идущих за гробом «революционеров, обиженных революцией»⁹¹. Так, в небольшом эпизоде горьковского очерка скрестилось прошлое и настоящее.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Саморуков Н. Общественно-политическая деятельность Г. А. Лопатина (1845—1918) // Вopr. истории. 1951. № 3. С. 51.

² Попов И. И. Герман Александрович Лопатин. М., 1930. С. 53.

³ Давыдов Ю. Две связки писем. Повесть о Германе Лопатине. М., 1983; см. также: Давыдов Ю. Герман Лопатин, его друзья и враги. М., 1984.

⁴ Голованов Л. Книга о русском переводчике «Капитала», друге Маркса. <Рец. на кн.: Сайкин О. А. Первый русский переводчик «Капитала». М., 1983> // Коммунист. 1984. № 7. С. 116. См. также: Шумейко М. Ф. Материалы об общественной деятельности Г. А. Лопатина в архивном фонде В. Я. Богучарского // Источниковедение и историография. М., 1980.

⁵ П. Морису Хилквиту, вторая половина января 1907 г. // Горьк. чт. 1962. С. 12.

⁶ Бурцев В. Борьба за свободную Россию: Мои воспоминания (1882—1924 г.). Берлин: Гамаюн, 1924. Т. 1. С. 222. См. также: Бурцев В. В погоне за провокаторами. М.; Л., 1928. С. 92.

⁷ Он же. Борьба за свободную Россию... Т. 1. С. 222.

⁸ Дмитрий Григорьевич Богров (1887—1911) — помощник присяжного поверенного, эсер. 1 сентября 1911 г. смертельно ранил П. А. Столыпина во время торжественного спектакля в Киевском оперном театре в присутствии царя Николая II.

После казни Богрова в прессе появились сообщения о его связях с охранным отделением. Бурцев в ряде статей, напечатанных в газ. «Будущее», подверг сомнению достоверность обвинений Богрова в провокации. О том же он писал в предисловии к кн.: *Мушин А. Дмитрий Богров и убийство Столыпина* (Париж, 1914). Лопатин не сомневался в виновности Богрова. Он писал Амфитеатрову 1/14 апреля 1914 г.: «Знаете ли Вы брошюру „Богров“ и пр., изданную в Париже (по слухам, братом Б(огрова)) с предисловием Бурчика и заключающую, вероятно, некоторую реабилитацию этого „героя“? Я охотно прочел ее, хотя и знаю, что стал бы злиться, читая. Если она не очень велика, а потому если не разорительно прислать ее в заказном письме, то я желал бы получить ее. Читали ли Вы в „Историческом вестнике“ за март статью Гана „Убийство Столыпина и Богров“, не оставляющую никакого места для реабилитации? Извлечения из нее были в „Киевской мысли“». Все сказанное там мне подтвердили устно многие осведомленные киевляне» (ЦГАЛП, ф. 34).

⁹ Бурцев В. Борьба за свободную Россию... Т. 1. С. 222.

¹⁰ Там же. С. 223.

¹¹ В машинописи (второй или третий экземпляр) помимо опечаток содержится одно очевидное отступление от оригиналов: часто (но не всегда) иностранные слова передаются русскими буквами («Матэн», «Ла Коз Коммюнь», «Ла Коз Женераль» и др.). Напомним в этой связи о п. Лопатина Горькому от 30 декабря 1912 г., в котором он иронизировал над тем, что Горький «изобразил» фамилии иностранцев и их адреса русскими буквами (Г—Л, п. 11).

Карандашные пометы Бурцева двух родов: простым карандашом раскрываются на полях имена и инициалы, встречающиеся в тексте; красным карандашом сделаны подчеркивания.

Дневник отличается последовательно выдержанная внешняя особенность. Внутри отдельного письма Лопатин нумерует каждое из сообщений, которых часто бывает больше десяти. При цитировании эти номера нами опускаются.

Датировать машинопись можно лишь предположительно. По-видимому, она сделана после того, как была издана часть 1 мемуаров Бурцева «Борьба за свободную Россию», т. е. после 1924 г., так как в нее не включены два письма Лопатина Бурцеву (от 9 янв. и 5 февр. 1909 г.), которые были напечатаны в этой книге.

¹² В ЦГАОР, в фонде Лопатина (ф. 9104, оп. 1, ед. хр. 6) находится небольшая часть п. Бурцева Лопатину (1909—1913 гг.): 14 открыток, на лицевой части которых воспроизведена обложка № 8 журн. «Былое», а на обратной стороне — портреты И. П. Каляева, Я. И. Зильберберга, А. Д. Трауберга и др. и одно письмо на бланке газ. «Будущее». Кроме того, в деле Департамента полиции «Скалькированные п. к Лопатину Герману Александровичу. 11 марта — 12 декабря 1912 г.» (ЦГАОР, ф. ДП, перлюстрация, оп. 265, ед. хр. 731) содержатся п. Бурцева Лопатину от 30 марта и 31 мая 1912 г. Помимо этого в деле — несколько конвертов от п. Бурцева: от 12 июня, с пометкой чиновника «От Бурцева. Париж»; 24 июня; 3 июля, с пометкой чиновника «От Бурцева. Неразборчиво», и 29 июля, с пометкой чиновника «Очень интересное от Бурцева».

В ЦГАОР хранятся также оригиналы 12 п. Лопатина к Л. З. Родштейну-Валерьяну (ф. 6276, оп. 1, ед. хр. 3). Среди них — 4 письма, представленные в машинописи.

¹³ ЦГАЛП, ф. 34. См. также: Л—А.

¹⁴ Представители ЦК партии эсеров на суде — Чернов, Савинков и Натансон — не верили доказательствам Бурцева и отстаивали невиновность Азефа. В ходе судебного разбирательства обвинения подтвердились. ЦК партии эсеров 26 декабря 1908 г. и 7 января 1909 г. издал объявления о том, что Азеф — провокатор. Азефу был объявлен смертный приговор, но он успел скрыться.

¹⁵ Бурцев Вл. Борьба за свободную Россию... С. 281.

¹⁶ Это высказывание можно сопоставить с пометами Горького на кн.: *Фигнер В. Запечатленный труд*. М., 1933. Т. 3. (ЛБГ. Описание). В главе, посвященной разоблачению Азефа, Горький отметил двойными галочками на полях следующие места: «Предметом совещания было, что делать дальше, а постановлением продолжать расследование и допросить Азефа в обстановке, подготовленной так, чтоб тут же, на месте покончить с ним» (С. 261); «Тут Марк (Натансон) и рассказал мне о происшедшем в квартире Азефа. Он сказал, что после допроса те, которые делали его, ушли.

— Как ушли? Они не убили его?! И не оставили стражи?!» (С. 267).

¹⁷ В 1911 г. в Париже отдельной брошюрой было издано «Заключение судебно-следственной комиссии по делу Азефа». См.: *Ангийд О. Евно Азеф* // Киевская мысль. 1911. № 126. 8/21 мая.

¹⁸ Цит. по кн.: *Козьмин Б. П. С. В. Зубатов и его корреспонденты*. М., 1928. С. 100.

¹⁹ *Le Matin*. 1912. № 10400. 18 авг. Интервью было напечатано в газ. «Утро России» (1912. № 183. 9/22 авг.) под заголовком «Свидание Бурцева с Азефом. Розыски Азефа Бурцевым. Свидание во Франкфурте. Исповедь Азефа». Эту замет-

ку Е. П. Пешкова выслала Горькому. «Посылаю „Matin“, кот(орую) только что получила, — писала она 20 августа 1912 г. — Тебе переведут — свиданье Бурцева с Азевым. Взыолновалась я, читая» (АГ). Ранее, в п. от 21 сентября 1909 г., Лопатин высказался в том же духе о появившемся в газ. «Киевская мысль» (1909, № 242, 2/15 сент.) фельетоне И. К. «Герои реакции», посвященном Жученковой. «Очень он мне не понравился по своему тону. Скоро в самом деле будут видеть в таких гадинах симпатичных „героинь“ и сочувствовать их душевным переживаниям!» Слова эти дополняют оценку Жученковой, данную им в п. к Горькому от 1 января 1910 г. (Г—Л, п. 1).

²⁰ Письмо Е. П. Пешковой от 25 января 1909 г. (Арх. Г. Т. IX. С. 61).

²¹ Там же. С. 59.

²² Письмо М. А. Пешкову (вторая половина янв. 1909 г.) (Арх. Г. Т. XIII. С. 56).

²³ Там же. Т. IX. С. 343.

²⁴ В черновой заметке, сделанной в 1925 г. в связи с чтением рукописи Б. И. Николаевского «Конец Азефа», Горький писал: «Это совершенно ужасающая история, [она] ошеломила его до отупения и, точно на кол посажен, все эти дни думаю о „Великом провокаторе“ <...> Известно что А(зеф) любил жену и детей своих и в те годы, когда он жил с певицей. Замечательно просто жил он после [того как] разоблачения, и ужас факта именно в этой простоте. Нашел человек денег продажей своих друзей, отсек от себя всё свое стр(ашное) прошлое, [и] устроил [себе] уютную жизнь и, [отр(убил)] наслаждаясь ею, [отсек от себя] жил, жил вполне порядочным мещанином. Упомо(ра)чительно просто» (Варианты, 5. С. 695—696). В статье «Рукописи Горького: поиски и находки» (Лит. газ. 1967. № 16. 19 апр.) И. С. Зильберштейн сообщил, что Горьким было написано предисловие к брошюре Николаевского (Николаевский Б. И. Конец Азефа. М., 1926), которое не было напечатано, так как автор брошюры «политически разошелся с Горьким» (хранится в Гуверовском институте войны, революции и литературы при Станфордском университете, США). В ст. Зильберштейна приведен текст п. Горького к Николаевскому от 20 июля 1925 г., близкий к этой его черновой заметке.

²⁵ ЦГАЛИ, ф. 34.

²⁶ Л. П. Меньшиков — чиновник Особого отдела департамента полиции. В 1909 г. уехал за границу, выступив с разоблачениями провокаторов. В «Дневнике» содержится проект п. Лопатина к Меньшикову от 3 мая 1910 г., в котором он писал о необходимости «всячески помогать крушению реакционных планов нынешнего сугубо реакционного правительства».

²⁷ Записи каждого дня заканчиваются пометой: «День третий», «День седьмой», «День-шестый-на-десять» и т. п. «Дневник» Лопатин частями отсылал Бурцеву. Он писал ему 8 мая 1910 г.: «Последнее мое письмо было отправлено 3 апреля. Позднейшие записи — с 4 апреля по 11 мая — Вам придется прочесть уже здесь».

²⁸ Имеется в виду наводнение в Париже.

²⁹ О стокгольмском архиве Лопатина см.: Горбунов М. Был ли архив у Г. А. Лопатина // ЛН. Т. 7—8. С. 430—434; Давыдов Ю. Судьба архива Германа Лопатина // Лит. газ. 1974. № 32. 7 авг. См. также вступ. очерк Бориса Сапира в кн.: Лавров. Годы эмиграции. Архивные материалы в двух томах (т. 1: «Лавров и Лопатин (переписка 1870—1883)». D. Reidel publishing company, Dordrecht—Holland, Boston—USA. (1974.)

³⁰ ЦГАОР, ф. 9104, оп. 1, ед. хр. 14.

³¹ О митинге, организованном кассой русских эмигрантов под председательством В. Н. Фигнер, см. подробнее: Кулешов В. И. Статья В. И. Ленина «Памяти Герцена» и парижский юбилейный герценовский вечер 15 апреля 1912 года // Рус. лит. 1970. № 3.

³² Франсис де Прессанс (1853—1914) — французский политический деятель, социалист. Илья Адольфович Рубанович (1860—1920) — один из лидеров эсеров.

³³ Об обстоятельствах единственной встречи Лопатина с Герценом см.: Лици-нер С. А. И. Герцен и Г. А. Лопатин: (О встрече 1867 года) // Вопр. лит. 1977. № 2.

³⁴ ЦГАОР, ф. 9104, оп. 1, ед. хр. 14, л. 15, 16, 16 об.

³⁵ Там же, л. 17 об. Упоминаемое п. Лопатина не разыскано. Е. Б. Лопатина и Ю. В. Давыдов по этому поводу пишут: «Ответ свой Лопатин тогда же, в апреле 1912 г., сообщил дочери П.: Л. Лаврова М. П. Негрескул...: „Л(авров) относился к Г(ерцену) с величайшим почтением, страстно желал личного свидания и беседы с ним и был очень огорчен тем, что вследствие разных задержек не застал его в живых. Это он говорил мне и в Кадникове и позже. Но о „вызове“ я от него не слышал и слова и сомневаюсь в нем, ибо знаю, что Г(ерцен) усердно отговаривал всех от эмигрантства» (Освободительное движение в России. Межвузов. сб. Саратов, 1981. Вып. 10. С. 67). Свидетельством того, что п. Лопатина было прочитано на митинге, мы не располагаем.

³⁶ «Курносый Колька» — Николай II; «Проснувшаяся Федора» — собирательный образ русского народа.

³⁷ Первоначально предполагалось, что газета будет выходить с сентября 1909 г. два раза в месяц. Об этом было объявлено в журн. «Былое» (1909, № 11/12). Но наладить регулярный выход газеты не удалось из-за нехватки денежных средств.

³⁸ И. В. Амфитеатрова.

³⁹ Имеется в виду политическая и литературная газ. «La Cause Sénégalaise» («Общее дело»). Издавалась в Женеве с мая 1877 г. до ноября 1890 г. «Лопатин был знаком и с группой эмигрантов, которая издавала журн. „Общее дело“, — А. Х. Христофоровым, М. К. Элпидиным и др. В п. к П. Л. Лаврову, помеченном „вторник“, написанном в марте 1878 г., Лопатин сообщает о своем визите в редакцию этого журнала» (*Сайкин О. А. Первый русский переводчик «Капитала»*. М., 1983. С. 67).

⁴⁰ Горький работал в то время над «Жизнью Матвея Кожемякина».

⁴¹ Леонид Эммануилович *Шишко* (1852—1910) — революционер-народник, публицист. Член кружка «чайковцев». В 1878 г. был приговорен к девяти годам каторги. С 1890 г. в эмиграции. Один из основателей «Фонда Вольной русской прессы». С 1902 г. — эсер.

⁴² Генерал А. В. *Герасимов* — бывший начальник Петербургского охранного отделения. В то время — директор Департамента полиции.

⁴³ Василий Деметьевич *Новицкий* — бывший начальник Киевского губернского жандармского управления, генерал-лейтенант. В 1905 г. подал на высочайшее имя записку о провокации.

⁴⁴ Сергей Андреевич *Иванов* (1859—1927) — народник. Арестован в 1886 г. Судился по «Процессу 21-го», был приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Сидел в Шлиссельбурге, откуда вышел в октябре 1905 г. Участвовал в Париже в судебно-следственной комиссии по делу Азефа.

⁴⁵ «Записка ген. Новицкого» с послесловием от редакции («Из мира мерзости и запустения») была напечатана в сборнике «Социалист-революционер» (1910. № 2). Об этой записке Горький писал неустановленному лицу в 1912 г. (*МЛ*. Т. 1. С. 333—335).

⁴⁶ Общее дело. 1910. № 4. 15 авг.

⁴⁷ Зерентуйцы — отбывавшие каторгу в Горном Зерентуе.

⁴⁸ В № 13 «Былого» была напечатана без предисловия и послесловия ст. «У гроба Созонова», подписанная «Вчерашний зерентуец». В ней говорилось, что Созонов является последним и самым главным свидетелем по делу Азефа» (С. 157). Автор рассказывал также о том, как охранники стреляли в окно камеры Созонова и чуть не убили его.

⁴⁹ Николай Петрович *Стародворский* (1863—1918) — народоволец. Один из участников убийства инспектора секретной полиции Судейкина в декабре 1883 г. По «Процессу 21-го» приговорен в 1887 г. к смертной казни, замененной бессрочной каторгой в Шлиссельбурге. Освобожден в 1905 г. После опубликования прошений о помиловании Стародворский потребовал суда над Бурцевым. «В июне 1909 г. Третейский суд между Стародворским и мною, — писал Бурцев, — был кончен и нам было объявлено его решение. В приговоре по моему адресу было высказано много упреков и много порицаний» (*Бурцев В. Борьба за свободную Россию...* С. 339). О Стародворском и суде над ним см.: *Давыдов Ю.* Юриисконсульт следственной комиссии // Человек и закон. 1978. № 7.

⁵⁰ Былое. 1909. № 11/12. С. 103.

⁵¹ *Арх. Г. Т. VII*. С. 138.

⁵² Шлюшинский архив — секретные документы из Департамента полиции: «...я имел сношения с одним чиновником Департамента полиции, имевшим отношение к его архиву. За очень скромное вознаграждение, через общего нашего знакомого Н, он доставлял мне из этого архива целые томы секретных документов — по 800 стр. in folio» (*Бурцев В. Борьба за свободную Россию...* С. 297).

⁵³ Ипполит Никитич *Мышкин* (1848—1885) — революционер-народник. В 1875 г. пытался освободить Чернышевского из сибирской ссылки. Был осужден по «Процессу 193-х» о революционной пропаганде в империи. Расстрелян в Шлиссельбургской крепости за протест против тюремного режима.

Егор Иванович *Минаков* (1854—1884) — революционер-народник. Был осужден по «Процессу 28-ми» в Одессе в 1880 г.; расстрелян в Шлиссельбургской крепости за то, что ударил тюремщика.

⁵⁴ Михаил Федорович *Лаговский* (1856—1903) — революционер-народник. Был заключен в Шлиссельбургскую крепость на 5 лет в 1885 г. В 1890 г. состоялось «высочайшее повеление» об отпущении его в Шлиссельбурге еще на пять лет.

⁵⁵ Михаил Федорович *Клименко* (1856—1884) — революционер-народник. Был арестован в 1882 г. Судился по «Процессу 17-ти» по обвинению в принадлежности к партии «Народная воля». В Шлиссельбургскую крепость был заключен 4 августа 1884 г. 5 октября того же года повесился.

Софья Михайловна *Гинсбург* (1863—1891) — революционерка-народница. В 1888 г. пыталась воссоздать «Народную волю» и организовать покушение на Александра III. Была арестована в мае 1889 г. В 1890 г. приговорена к смертной

казни, замененной вечной каторгой. Содержалась в Шлиссельбургской крепости, где покончила с собой. В № 7 «Былого» была напечатана статья «К делу С. М. Гинсбург. (Из обзора важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи в течение 1889 года)».

⁵⁶ Александр Пахомович *Тиханович* (1853—1884) — член военной организации «Народной воли». Осужден в 1884 г. по «Процессу 14-ти». Приговорен к смертной казни, замененной вечной каторгой. Заключен в Шлиссельбургскую крепость, где умер от туберкулеза.

⁵⁷ Николай Павлович *Щедрин* (1858—1919) — революционер-народник. Арестован в 1880 г. В 1881 г. приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой, которую отбывал на Каре. Затем был переведен в Петропавловскую крепость, а в 1884 г. заключен в Шлиссельбургскую крепость, где в 1895 г. заболел. С 1896 г. находился в Казанской психиатрической больнице (*Попов М. Р. Н. П. Щедрин // Былое. 1906. № 12*).

⁵⁸ Виктор Александрович *Гольцев* (1850—1906) — публицист и общественный деятель.

⁵⁹ Лопатин имеет в виду следующие публикации: «Из записок А. А. Петрова», «Последние дни лейтенанта Шмидта, Частника, Гладкова и Антоненко» Петра Моисеева; «Временное правительство» Л. А.-ва, «О попытках в Рижском сыском отделении» Карла Мицита, «Из Шлиссельбургского мартиролога», «Бессудное заточение», «Из области правительственного ханжества».

⁶⁰ Из воспоминаний М. Сотникова // *Былое. 1912. № 14*. По поводу воспоминаний Сотникова в послесловии «От редакции» говорилось: «Сотников подчеркивает, что он решил пойти в охрану ради царевубийства. Как будто в этом есть какое-то оправдание, как будто идти в охрану с целями якобы „революционными“ не то же самое, что идти туда простым агентом [...] Мы считаем несмысленным позором и преступлением одну мысль о таком плане, а не только попытки его практического выполнения».

⁶¹ *В. И. Ленин. Т. 48. С. 4.*

⁶² *В. Л. Бурцева.*

⁶³ *ЦГАЛИ, ф. 34.*

⁶⁴ Очерк «Не-наши».

⁶⁵ Имеется в виду первый рассказ из цикла «Жалобы».

⁶⁶ Горький был в Париже с 13 по 25 февраля 1911 г.

⁶⁷ *ЦГАОР, ф. 9104, оп. 1, ед. хр. 6, л. 12*. Доклад был напечатан в газ. «Утро России» (1911, № 24, 2 февр.) под заголовком «Новый взгляд на Азефа как уголовного преступника. (Доклад Вл. Бурцева министру юстиции Щегловитову)». Бурцев писал: «Более двух лет, как я в русской и европейской прессе гласно обвиняю инженера Евно Азефа в ужасающих преступлениях — преступлениях с какой угодно точки зрения, в том числе и с точки зрения самых элементарных понятий правосудия, и даже с точки зрения существующих в России законов. Но до сих пор, как это мне достоверно известно, против Азефа не возбуждено никакого судебного преследования. Он — свободен и в настоящее время продолжает состоять на службе департамента полиции».

⁶⁸ Новым фактом является сообщение о том, что Горький ненадолго заезжал по дороге из Парижа в Феццано, обещая снова приехать туда с Миролюбовым.

⁶⁹ Отказавшись приехать в Феццано (Г—А, п. от 10 или 11 мая 1911 г.), Горький послал Лопатину через М. Ф. Андрееву 6 мая 1911 г. приглашение приехать на Капри (Г—Л, п. 4).

⁷⁰ *Жизнь для книги. М., 1962. С. 210.*

⁷¹ *Арх. Г. Т. XIV. С. 344.*

⁷² Там же. Т. IX. С. 125.

⁷³ *Бурцев В. Л. Письма А. М. Горького (Пешкова) к В. Л. Бурцеву (Фотокопия, АГ).* Известно, что В. И. Ленин воспринял программу газ. «Будущее» резко критически. См.: Г—А, п. от 13 октября 1911 г., прим. 2.

⁷⁴ В том же номере газеты было помещено сообщение на французском языке под заглавием «Lettre de Maxime Gorki» с кратким изложением его содержания.

⁷⁵ *ЦГАОР, ф. 9104, оп. 1, ед. хр. 6, л. 5.*

⁷⁶ Горький писал Бурцеву в последних числах ноября 1911 г.: «Посылаю заметку о тюрьме орловской, может, пригодится [...] Собираю деревенские письма, есть очень интересные вещи» (АГ).

⁷⁷ *Будущее. 1911. № 10. 21 дек.*

⁷⁸ *ЦГАОР, ф. 9104, оп. 1, ед. хр. 6, л. 11.*

⁷⁹ *Будущее. 1911. № 6. 26 нояб.*

⁸⁰ Члены социал-демократической фракции II Думы были арестованы по обвинению в заговоре против государства и царской власти, после чего Дума 3/16 июня 1907 г. была распущена. В № 1 «Будущего» была напечатана статья «Освободите их с каторги» с призывом начать кампанию за освобождение с.-д. депутатов. Статьи на эту тему публиковались из номера в номер. В газете опубликовано также воззвание Центрального бюро зарубежных групп РСДРП, требующее пересмотреть дело с.-д. депутатов (Будущее. 1912. № 13. 14 янв.).

⁸¹ «Заявление Бродского. Его высокопревосходительству господину министру юстиции» (Будущее. 1911. № 4. 12 нояб.).

⁸² В. И. Ленин. Т. 20. С. 381.

⁸³ Шарль Дюма (1883—1914) — журналист и публицист, член социалистической партии Франции, депутат парламента. Имеется в виду его обращение «Préface à la Revision» (Будущее. 1911. № 5. 19 нояб.).

⁸⁴ В. И. Ленин. Т. 20. С. 386.

⁸⁵ Бурцев Вл. К ответу за Азефа! (Будущее. 1911. № 1. 22 окт.); Бурцев Вл. Признания Азефа (Будущее. 1911. № 3. 5 нояб.).

⁸⁶ ЦГАОР, ф. 9104, оп. 1, ед. хр. 6, л. 9.

⁸⁷ Ст. «В пространство» была прочитана 11 октября 1912 г. на состоявшемся в Париже митинге русских, французских, немецких, польских социал-демократов, посвященном протесту против избиений политзаключенных в Кутомарской тюрьме. Рукопись статьи была выслана Горьким Бурцеву 4 октября 1912 г. «Посылаю рукопись для „Будущего“, — сообщал Горький Бурцеву. — Я писал Вам по адресу Александра Валентиновича, что очень жду Вас на Капри и что имею сделать Вам одно серьезнейшее предложение; дело идет о необходимости собирать и хранить документы, издания, вещи, относящиеся к истории русского революционного движения в XIX веке. Письмо мое, очевидно, затерялось» (АГ). Ст. «В пространство» была напечатана в № 36 газ. «Будущее» (1912. 13 окт.).

⁸⁸ В то время на Капри в связи с приездом Ляцкого и Певина шли переговоры о реорганизации «Современника» (Г—Ляц).

⁸⁹ Содержание документа неизвестно.

⁹⁰ Русская воля. 1917. № 159. 7 июля. См. Г — Ив-Р, п. 11.

⁹¹ XXIV, с. 276. Предположение, что Горький имел в виду именно Амфитеатрова, может быть подтверждено сопоставлением приводимой Горьким тирады «революционера, обиженного революцией» («Но я хотел придать еще более нищенский и постыдный вид ∞ поймет и устыдится...») с тем, что написал Г. Уэллс о встрече с «известным писателем» Амфитеатровым в 1920 г. в кн. «Россия во мгле» (М., 1959. С. 17).